

The background of the entire image is an abstract, high-contrast photograph of fire and smoke. Bright, intense yellow and orange flames are visible, particularly in the lower half, while the upper half is dominated by dark, swirling smoke and embers. The overall effect is one of intense heat and energy.

Александр Смирнов

Чернокнижник

Александр Сергеевич Смирнов

Чернокнижник

предоставлено правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6055315
Александр Смирнов «Чернокнижник»:

Аннотация

Пётр Сапожников является обыкновенным средним учеником. На уроках литературы он скучает. Однажды в школе он пишет сочинение на свободную тему: «Как я провёл лето». Школьник не описывает действительные события, а решает выдумать свои. В персонажи своей выдуманной истории он вставляет свою учительницу и паренька, которого якобы украли бандиты.

Сочинением школьника интересуется милиция: дело в том, что выдуманная история в точности совпадает с реальной историей о пропаже ребёнка. Школьник не подозревает, что обладает даром предвидения.

Этим даром начинают пользоваться люди, у которых есть только один дар – воровство. Они заставляют молодого писателя писать роман «Трупопровод» где автор описывает развал Советского Союза (это в то время, когда никаким развалом даже не пахнет). Молодого писателя несомненно уничтожили бы, но он получает нобелевскую премию по литературе и становится мировой известностью. Нобелевского лауреата высылают из

страны. За границей его опекают литературные агенты, которые на самом деле являются представителями спецслужб. Однако спецслужбы не могут воспользоваться пророчествами писателя. Они просто не верят им. (кто же поверит, когда предсказывают крушение Берлинской стены, распад Варшавского договора и гибель сверхдержавы – СССР)

Те «литераторы», которые успешно обкрадывали гения в Союзе, после его высылке остаются не у дел. Они сами ничего не в состоянии придумать, поэтому они сталкивают людей лбами, чтобы описать детективную ситуацию. Чем больше крови и насилия в описанных ситуациях, тем привлекательней для обывателя роман. Происходит ряд убийств. Их расследует милиция, но у следователей ничего не получается.

После перестройки Россия принимает своих знаменитых на весь мир граждан, которых в своё время она изгнала за свои пределы. Возвращается и Сапожников.

Милицейский следователь знает, как раскрыть преступления – надо привлечь к этому писателя, который обладает даром предвидения.

Писатель начинает сочинять и предсказывает, что виновники всех убийств, сами, превратившись в монстров, убьют сами себя. Так оно и происходит.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	29
Глава 3	62
Глава 4	81
Глава 5	93
Глава 6	118
Конец ознакомительного фрагмента.	127

Александр Смирнов

Чернокнижник

Глава 1

Образ Пьера Безухова – ничего себе тема! А Наташа Ростова? Как говорится, хрен редьки не слаще. Ходят, ходят, говорят что-то... А что, собственно, писать? Не напишешь же, что они всю дорогу дурью маются? Про капитана Тушина ещё можно, так она эту тему не дала. Правда, и про Тушина в кино очень мало, ну хоть что-то.

– Для того, кто летом читал роман Льва Николаевича Толстого, никаких проблем не должно быть, – говорит учительница, проходя по рядам между партами.

Ну да, конечно, только все и думали в каникулы про войну и мир. Делать больше нечего! Про войну ещё можно как-то, а что касается мира, то тут и думать нечего – такая тягомотина, что и десяти минут за книгой не просидишь.

– Сапожников, время не резиновое. Скоро заканчивать, а ты ещё не начинал.

Вот как она с другого конца класса всё видит? У меня же на лбу не написано, что я ничего ещё не написал? Впрочем, она права: сиди хоть час, хоть два, а всё равно ничего не высидишь. Опять надо писать на свободную тему, опять сочи-

нять, как я провёл лето.

А лето было отличное. Сразу после школы родители отправили в лагерь от завода, где работает отец. И сразу отряд ушёл в поход. Палатка, костёр, песни – это просто сказка какая-то! Потом Вовка потерял свой ботинок, и весь отряд искал его. А ведь можно немного изменить. Предположим, потерялся не ботинок, а сам Вовка. А ещё лучше, если его похитили бандиты. Почему не написать? Это же сочинение, а не летопись. К тому же, кто проверит? Училка? С такой постной физиономией в походы не ходят. Она вообще, наверное, кроме классной доски и школьных тетрадок ничего не видела. А вот я сейчас возьму, и вставлю её в наш отряд! Посмотрим, как она завертится, когда туча комаров начнёт её жрать. Имя, разумеется, мы ей изменим, от греха подальше, костюмчик переоденем – надо что-нибудь попроще для похода. С возрастом проблема. Впрочем, нет. Пусть она будет вожатой отряда. Кстати, вожатым другого отряда должен быть её ровесник и, естественно, между ними возникнет роман, который разовьётся в грандиозную интригу. Это вам покруче князя Андрея будет, или этой дурочки, как её, вроде Соня.

Когда приходит комариное время, то, хоть защищайся от них, хоть нет, – спасу не будет. Вернее, не от комаров, а от мошек. Маленькие такие, и пролезут через любую сетку. Глазами моргнёшь – они в глазах, рот откроешь – они уже во

рту. Через час лицо, шея и руки начинают гореть и чесаться, а через два хочется броситься в реку и уйти под воду с головой, выныривая только для того, чтобы глотнуть порцию воздуха. Есть ещё один способ. Говорят, что мошки и комары не переносят табачного дыма. Если кто пробовал, тот знает, что это полная ерунда. Правда, в табаке есть другая прелесть. Как только закуришь, девушки прибегут и норуют к тебе поближе пристроиться. Тут, ясное дело, о комарах уже забываешь, и дымишь так, что глаза начинают вылезать из орбит. А девчонки только приговаривают: «Ой, Коленька, милый, меня обкури».

В этом походе хороший расклад получился: двое вожатых – учителя физкультуры, и две молоденькие учительницы – одна русичка, а вторая физичка. И, хотя для вожатых было предусмотрено две палатки: одна мужская, а другая женская, комары с мошкой этот порядок нарушили. Нет, нет, спали, конечно, исключительно отдельно: мужчины с мужчинами, а женщины с женщинами, но на этом всё разделение и заканчивалось. После того, как дети укладывались спать, Лена убегала к Борису, а Таня к Николаю. И тут уж парни не жалели ни сил, ни здоровья – обкуривали на совесть. Почему нельзя было сидеть у костра вчетвером – неизвестно, но после отбоя всегда горели два костра, у которых было по паре вожатых. Костры горели часа два, три, после чего мужчины заливали их водой, и вожатые расходились каждый в свою палатку. Однако на этот день не заканчивался. Ко сну

не отходили до тех пор, пока соседи по палатке не поделятся своими впечатлениями относительно только что прошедших посиделок.

– Колька, а ты выяснил, замужем она или нет? – интересовался Борис.

– Выяснил. Никакого мужа нет. Правда, жених имеется.

– Жених не в счёт. Собственно, наш статус ничем не отличается от его. Ты согласен?

– Я-то согласен, но этого маловато будет. Надо, чтобы ещё они с этим согласились.

– А это уже целиком зависит только от нас, – философски заметил Борис.

– Как говорят математики, есть условия необходимые и достаточные. Наши старания, конечно, необходимы, но совершенно не достаточны.

– Слава богу, у меня русичка, а не математичка.

– А это ровным счётом ничего не значит. Перед законами все равны.

– Ну так уж и все?

– А вот ты что чувствовал, когда она к тебе прижималась? – не уступал в споре Николай.

– Ясное дело, что. Любой здоровый мужчина это должен чувствовать.

– Вот ты сам и подтвердил мою теорию, – обрадовался Николай.

– Ладно, хватит об этом. А то договоримся до того, что

вообще будет не уснуть.

– Хорошо, давай спать, завтра продолжим.

В женской палатке всё происходило примерно по тому же сценарию.

– Татьяна, а у тебя сигареты есть? – спросила Лена свою подругу.

– Зачем они мне?

– Как это, зачем? А вдруг у него кончатся?

– Значит, кончатся.

– Слушай, ты меня удивляешь. Комары же сожрут!

– А я тогда к вам приду.

– Очень ты нам нужна!

– У вас, что, секреты есть?

– Можно подумать, у тебя нет.

– А у меня действительно нет, – удивилась Таня.

– Для чего же ты тогда в этот лагерь пришла?

– Попросили, и пришла. Я же педагог!

– Кто попросил?

– Откуда я знаю, кто попросил? В отделе по образованию каждое лето объявление висит. Предприятия подают заявки, а РОНО обеспечивает их педагогами.

– Так ты сюда по объявлению попала?

– Конечно. Я уже не первый год езжу. Очень удобно: всё лето отдыхаешь, тебя кормят, поят, да ещё деньги за это платят.

– Так ты, что, сюда за деньгами приехала? – захихикала Лена.

– Деньги, конечно не большие, но они никогда лишними не бывают. А что ты смеёшься, разве ты здесь за бесплатно работаешь?

– Ну, не за бесплатно, конечно, но сюда не за деньгами приехала.

– А за чем? – не поняла Таня.

– За романами, – заговорщически прошептала подруга.

– За какими?

– Ты, что, совсем ничего не соображаешь? Во всяком случае, не за «Войной и миром».

– Кстати, надо в библиотеке «Войну и мир» взять. После каникул мои охламоны сочинение по нему должны писать – хочется освежить в памяти.

– Слава богу, я преподаю физику, а не литературу. У меня, моя дорогая, на уме совсем другие романы.

– Ах, ты про это! – вдруг догадалась Таня. – У меня жених есть, так что...

– Ну и что? У меня два есть.

– То есть, как это, два? Разве так можно?

– А кто запрещал?

– Но ведь жених – это человек, который впоследствии становится мужем.

– Не становится, а может им стать. А может и не стать.

– Значит, ты заранее знаешь, что одному откажешь?

– Почему одному? Может быть, обоим.

– Ты хочешь сказать, что кто-то из этих, – Таня кивнула головой в сторону вожатых, – мужчин может стать твоим третьим женихом?

– Ты ничего не понимаешь! Это курортный роман, или, в нашем случае, лагерный. Прелесть его в том, что между мужчиной и женщиной нет никаких обязательств. Люди могут позволить себе абсолютно всё.

– То есть, как это, всё?

– А вот так. После лагеря мы разведемся и больше никогда не увидим друг друга.

– А если увидим?

– Ну и что! Я же им ничего не обещала. А они мне. Мы просто будем вспоминать это, как отлично проведённое лето. Кстати, твои ученики каждый год пишут сочинение: как я провёл лето. Представляешь, если бы мы это написали?

– Лена, я что-то не понимаю насчёт «их». Ты, наверное, хотела сказать его, а не их.

– Нет, дорогая, именно их. Если уж отрываться, так на полную катушку.

– Ну ты даёшь!

– Ничего я не даю. Так все делают.

– Я так не делаю.

– Сделаешь, куда ты денешься! Я научу.

Таня хотела сказать нет, но почему-то промолчала. Она лежала с закрытыми глазами и думала о том, что ей поведала

подруга. Та больше ничего не говорила. Прошло минут десять или пятнадцать, и в палатке раздалось сладкое сопение. Таня повернулась на бок и последовала примеру Лены.

Наверняка, никого не интересует, как дети делают утреннюю зарядку, а потом пытаются впихнуть в себя ненавистную кашу. Никому не интересно, как мальчики и девочки бегают друг за другом в мешках. Что же касается песен у костра, то их репертуар набил оскомину каждому, кто хоть одно лето провёл в лагере. Человек, несомненно, пролистнёт это место, даже не читая. Он остановится только тогда, когда дети уснут, а вожатые, разбившись попарно, снова окажутся у костров. Остановится, и будет смаковать эти строчки с замиранием сердца, ибо он уже заранее знает, как развернутся события. И не дай бог в этой ситуации обмануть его ожидания. Как говорится, начнём прямо сейчас, и начнём с того самого места, с какого читатель этого желает.

Тут уж не надо быть особым провидцем, чтобы не понять, что сегодня, после таких разговоров в палатке, дым от сигарет плохо справлялся со своими обязанностями, и дамы были просто вынуждены прижиматься всем телом к своим спасителям. Но, если молодая девушка прижимается всем телом к молодому и здоровому парню, то, как говорят математики, эти условия являются необходимыми и достаточными. Для чего они достаточны, знают абсолютно все, не исключая тех, кто к математике не имеет ни малейшего отношения.

Руки парней перестают подчиняться голове и тонут в складках одежды своей подруги. И, чем дальше забираются руки, тем больше растёт пропасть между ними и головой.

– Николай, что ты себе позволяешь?! – сердито говорит Таня.

– Я ничего не могу с собой сделать, – оправдывается Коля.

– Ты мужчина, и должен вести себя как джентльмен.

– Именно потому, что я мужчина, мне и не совладать с собой. Посмотри, у другого костра та же самая проблема.

Таня посмотрела на костёр, где находилась её подруга, и раскрыла рот от удивления. Кавалер завалил вожатую и судорожно стал раздевать её.

Николай расценил это, как руководство к действию.

– Ты что?! – Однако больше Таня крикнуть ничего не смогла. Сильная мужская ладонь плотно закрыла ей рот.

– Ты что кричишь? Детей разбудишь!

Таня отодвинула руку кавалера от своего рта и зажала его своими двумя ладошками. Далее всё произошло так быстро, что она ничего не поняла. Однако спросить у своего кавалера она не решалась. Более того, она не могла даже взглянуть на него.

Через некоторое время девушка увидела, как к костру подходит Лена со своим парнем.

– Ну что, подружка, всё путём? – спросила та. – А ты боялась. Я же обещала, что будет всё хорошо.

– Почему вы здесь? – почему-то спросила Таня.

– У нас сигареты кончились.

– Мне холодно.

– Я понял, – отпрапортовал Николай.

Он запрыгнул в палатку и тут же вернулся с бутылкой водки.

– Я не буду водку, – хотела отказаться Таня.

– Пить надо обязательно, а то заболеешь, – тоном, не терпящим возражений, сказала Лена, и протянула стакан.

После того, как противная, но согревающая жидкость была выпита, ноги налились свинцом и мысли в голове стали путаться.

– Что это со мной сейчас было? – спросила Таня. – Я ничего не поняла.

– Вот и прекрасно. Сейчас посидим немного, мужички сил наберутся, и повторим.

Но то, что говорила подруге Лена, не доходило до сознания. Девушка встала на четвереньки и стала выбрасывать из своего желудка всё, что там было.

В это время из детской палатки выскочил звеньевой и побежал к костру, у которого совсем недавно были Борис и Лена.

– Колька, прячь её, быстро! Дети проснулись!

Николай затащил Татьяну в кусты, а Борис подошёл к звеньевому.

– Ты почему не спишь? – строго спросил он.

– Я извиняюсь, Борис Петрович, у нас «ЧП».

- Какое «ЧП»?
- Вовка потерялся.
- То есть, как, потерялся?
- Он пошёл вон за те кусты, и не вернулся.
- А зачем он туда пошёл? Неужели нужду нельзя было справить где-нибудь поближе?
- Он не по нужде туда ушёл.
- А что же он там делал?
- Я извиняюсь, Борис Петрович.
- При чём тут, извиняюсь. Ты ответь мне, зачем он ночью туда пошёл?
- Я извиняюсь, Борис Петрович. А вы нам за это ничего не сделаете?
- Что ты заладил, как попка-дурак? Сейчас время дорого. Говори, ничего не сделаю.
- Мы, Борис Петрович, за вами подглядывали по очереди. Потом приходили и всем рассказывали. Вовка пошёл к тем кустам, потому что его очередь была.

Звонок прервал мысль.

- Всем сдать сочинения! – скомандовала учительница.
- Она подошла к Сапожникову и выразительно посмотрела на него.
- Успел, или так и просмотрел в окно?
- Не успел самый конец, про Вовку.
- Какого Вовку? Ты про что писал?

– Как всегда, на свободную тему: «Как я провёл лето».

– На доску посмотри.

Сапожников посмотрел на доску и прочел название свободной темы: «Лев Толстой как зеркало русской революции». Сапожников уже понял, что его труд будет оценен на единицу. Если бы только это! К своему ужасу, он вспомнил, что забыл поменять имя своего главного героя, а вернее, героини.

– Татьяна Александровна! Разрешите, я только имя в сочинении поменяю?

– Зачем, Сапожников? И так ясно, что ты получишь.

Татьяна Александровна собрала сочинения и унесла их в учительскую, оставив своего ученика догадываться, к чему приведёт его литературная шутка.

В учительской Татьяна Александровна с грустью посмотрела на внушительную стопку сочинений и стала укладывать их в полиэтиленовый мешок, чтобы взять работы учеников домой на проверку.

– Нет, нет, Танечка. Работы необходимо доставить в РОНО.

– Но я даже не проверила!

– Вот там это и сделают. Это плановая проверка.

– В таком случае, остаётся только поблагодарить РОНО за то, что они сделают за меня мою работу.

– Я надеюсь, у тебя всё в порядке?

– Как всегда, если не считать одной моей маленькой вольности. Я изменила свободную тему. По плану положено писать на тему: «Как я провёл лето», а я дала: «Лев Толстой как зеркало русской революции».

– Ну, если только это, то ничего страшного. А зачем ты её изменила?

– Если честно, то эта тема надоела не только ученикам, но и учителям. Сколько себя помню, всё про это дурацкое лето пишут. Хотя бы один раз про осень дали.

Учительница составила опись документов, положила её поверх сочинений и отнесла после уроков эту кипу в районный отдел народного образования. Плановая проверка сделала ей внеплановый подарок. Сегодня она вместо того, чтобы проверять тетрадки, может весь вечер провести со своим женихом.

Вероятнее всего, от того, что вечер был проведён великолепно, настроение молодой учительницы было таким же. Она вошла в школу, и даже не обратила внимания на то, что все сотрудники смотрят на неё по-особенному. Подойдя к учительской, Таня увидела завуча с выражением лица палача перед казнью, которая своим телом закрывала дверь.

– Прошу к директору, милочка!

– К какому? – не поняла Таня.

– К нашему, разумеется.

Завуч строевым шагом, будто она была не учителем, а во-

еннослужащей, направилась в кабинет директора. Молодой учительнице ничего больше не оставалось, как, семена ножками, плестись в хвосте начальницы.

Войдя в кабинет, завуч выпрямилась перед директором, втянула в себя совсем немаленький живот, отчего грудь её выкатилась вперёд не колесом, а, как минимум, противотанковым заграждением, и по-военному отрапортовала:

– Задержанная доставлена!

– Вы свободны, – зыкнул на завуча директор.

Противотанковое заграждение тут же сдулось, оставленные позиции сразу заполнил живот, и конвоир вышла из кабинета. Татьяна Александровна, не понимая, что творится кругом, глазами, полными слёз, уставилась на директора.

– Александр Сергеевич, я ничего не понимаю, – прощепетала она.

– Я сам ничего не понимаю, – ответил ей директор, вставая из-за стола. – Нас вызывают в РОНО.

– Нас?

– Нас. Именно нас.

Всю дорогу молодая учительница ждала, что директор ей хотя бы намекнёт, для чего их вызывают, но начальник так и не произнёс ни единого слова. Только когда они зашли в кабинет заместителя начальника РОНО, Таня услышала голос шефа.

– Борис Николаевич, вот та самая учительница, которую вы хотели видеть, – промолвил директор.

Заместитель начальника посмотрел на часы и одобрительно кивнул головой.

– Точность – вежливость королей, – сказал он Александру Сергеевичу.

– Я вам нужен? – спросил директор.

– Лично вы, нет. Происшествие, о котором пойдёт речь, к вам никакого отношения не имеет. Впрочем, я бы посоветовал вам остаться. Так или иначе, вопрос коснётся морального облика ваших учителей.

Директор, видимо, каким-то образом уже был посвящён в тему разговора, потому что нисколько не удивился этим словам. Он сел в угол кабинета и тихо стал наблюдать за происходящим. Такая реакция могла быть объяснена только одним: у директора был человек, который имел навыки работы в разведке или контрразведке. Вероятно, существовали источники, по которым происходила утечка информации из районного отдела народного образования. Вспоминая военную выправку завуча, почему-то было даже ясно, кто снабжал директора этой утекшей информацией.

– Собственно, вы нужны не столько мне, сколько другому ведомству, – обратился заместитель начальника к молодой учительнице. – Прошу любить и жаловать – следовательно по особо важным делам городского УВД.

Заместитель театрально показал ладонью на невзрачного мужчину, который сидел рядом с ним. Лица мужчины видно не было, потому что он был повернут вполоборота, и, к тому

же, находился в тени.

– Вы этим летом работали в пионерском лагере «Буревестник»? – спросил он Татьяну Александровну.

– Да, – ответила она растерянно, не понимая, зачем ей задают этот вопрос.

– Вы оказались в этом лагере по направлению РОНО?

– Да.

Заместитель начальника при этих словах тяжело вздохнул и отвернулся.

– У вас там произошло «ЧП», был похищен ребёнок.

– Это не у меня, а в соседнем отряде. К тому же, ребёнка нашли через два дня.

– Ребёнка нашли, а похитителям удалось скрыться. Впрочем, к преступникам мы вернёмся немного попозже. Сейчас меня интересует вопрос, как могло так получиться, что ребёнка смогли похитить. Вы мне ничего не хотите сказать?

Лицо учительницы литературы слегка порозовело. Она опустила глаза и отрицательно помотала головой.

– Напрасно, напрасно, Татьяна Александровна, вы не хотите помочь нам. Это бы избавило вас от ответов на мои не совсем тактичные вопросы.

– Я не знаю, что сказать вам.

– Чем вожатые занимались после отбоя? – сухо спросил следователь.

– Сидели у костра и ждали когда дети заснут. Как только ребята засыпали, мы тоже ложились спать.

– Конкретнее, чем вы занимались у костра?

– Ничем. Болтали, рассказывали анекдоты...

– А ещё конкретнее?

– Вы хотите, чтобы я все анекдоты вспомнила?

– Нет, анекдотов не надо. Вы групповым сексом занимались?

Лицо учительницы сделалось пурпурным. Директор школы, казалось, хотел просверлить её глазами.

– Насчёт группового не помню, – еле выговорила учительница. – У нас было два костра, и мы сидели попарно.

– Следовательно, вы не возражаете, что занимались развратными действиями?

– Развратных действий не было, потому что дети уже спали.

– Кто спал, а кто и смотрел ваши, с позволения сказать, эротические спектакли.

– Что вы хотите сказать?

– Я хочу сказать, что ваши действия были развратными, так как дети наблюдали за вами.

– Что!?! – Лицо Татьяны Александровны из малинового превратилось в мраморно-белое.

– Господи, неужели мы обсуждаем поведение педагогов? – прошептал заместитель и выразительно посмотрел на директора школы.

– Вы этого не знали? – продолжал следователь. Учительница отрицательно покачала головой.

– Хотите, я вам скажу, почему вы не знали?

– Говорите, что хотите, мне уже всё равно.

– Вы были пьяны. Причём, так пьяны, что ничего не соображали. Станете отрицать?

Татьяна Александровна опустила глаза вниз и еле-еле прошептала:

– Нет.

– Вы не хотите спросить меня, откуда я всё это знаю?

– Это и так ясно: вожатые рассказали вам, при опросе.

– При допросе, – поправил следователь.

– Ну, при допросе, не всё ли равно?

– К сожалению, вы опять оказались неправы. Ваши приятели ничего мне не рассказывали. Они, как и вы, только подтвердили то, что я им рассказал.

Бледное лицо учительницы слегка порозовело, и она удивлённо подняла свои глаза на следователя.

– Нам это поведал ваш ученик, Сапожников. Извольте прочитать.

Следователь протянул школьную тетрадку. Татьяна Александровна открыла тетрадь и, не читая, быстро просмотрела написанное.

– Он не мог этого написать, – твёрдо сказала она.

– Почему?

– Потому что за тридцать минут до конца урока я видела, что он даже не начинал.

– Ну и что?

– За тридцать минут никто не способен написать семь страниц. Это невозможно, даже если человек – писатель.

– Это правда, – подтвердил заместитель начальника.

– А если этот писатель – гений? – предположил следователь.

– Ну, если гений... – Заместитель развёл руками.

– Обождите, это вы намекаете, что Сапожников гений?

Предположение следователя так возмутило учительницу, что она моментально забыла, что всего несколько секунд назад не могла поднять глаз от стыда.

– У этого гения в каждом предложении по пять ошибок.

– Это всего-навсего грамотность. Многие писатели не очень дружили с грамматикой. Вам привести пример?

Однако учительница не слышала следователя. Она читала сочинение своего ученика и не могла оторваться.

– Откуда же он узнал? – тихо вырвалось у неё. – Да, да, он мне так и сказал: «Я про Вовку не успел написать».

– Насколько я понимаю, Вовка – это тот самый мальчик, которого похитили? – вступил в разговор директор.

– Тот самый, – уточнил следователь.

– Но откуда он мог всё знать? – уже громко спросила следователя учительница.

– Это и необходимо выяснить. Я проверил. Ваш Сапожников все три смены провёл совершенно в другом лагере за триста километров от места происшествия.

– Если Сапожников сказал, что не успел написать про Во-

вку, значит, он знал всё и о похищении, – заключила Татьяна Александровна.

Следователь неожиданно встал из-за стола.

– Я узнал, то, что хотел узнать, – сказал он. – Ваш ученик владеет очень важной для следствия информацией. Надеюсь, мальчик не пострадает за свою откровенность?

При этом следователь посмотрел на заместителя начальника отдела народного образования.

– Как вы могли подумать? – ответил вопросом на вопрос тот.

– Что касается морального облика ваших педагогов, то разбирайтесь с этим вопросом без меня.

Следователь поклонился и вышел из кабинета.

Оставшиеся долго сидели молча. Никто не хотел касаться этой грязной и неприятной темы. Тишину нарушил заместитель начальника.

– Собственно, в чём разбираться? Не можем же мы вывесить приказ на весь РОНО, где во всех деталях будут описаны ваши художества. – Заместитель вопросительно посмотрел на Татьяну Александровну. Та снова покраснела и опустила глаза.

– С остальными вожатыми уже разобрались, они уволены по их собственному желанию. – Это заместитель говорил уже директору.

– Мы вам ещё нужны? – спросил директор.

– Не смею задерживать. Только прошу вас всё сделать

быстро.

– До свидания, – попрощался директор. – Можете не сомневаться, всё будет решено в самый кратчайший срок.

Выйдя на улицу, Татьяна Александровна поклонилась директору, что-то пробурчала себе под нос, из чего можно было понять, что она прощается и хочет уйти.

– Куда это вы? Я вас ещё не отпускал. Мне надо поговорить с вами, – сказал директор.

– О чём можно ещё говорить? Всё уже сказано. К тому же, как я понимаю, решение относительно меня уже принято.

– Вы неправильно понимаете. Никакого решения ещё нет. Прошу вас...

Директор подошёл к своим «Жигулям» и открыл дверцу, приглашая учительницу сесть.

Видно, чаша позора была испита Татьяной Александровной не до конца. Она тяжело вздохнула и, подчиняясь приказу начальника, села в машину с лицом Иисуса, несущего свой непомерно тяжёлый крест. Она закрыла лицо руками и ждала новых вопросов, как жертва ждёт ударов палача. Однако автомобиль мчался по дорогам, а вопросов не было. Учительница медленно открыла лицо и вопросительно посмотрела на директора. Тот управлял машиной, сосредоточив всё внимание на дороге. Казалось, что пассажирка совсем не интересовала водителя. Пауза затянулась настолько, что Таню стали раздражать не вопросы, которые должен задать дирек-

тор, а их отсутствие.

– Я не буду вас увольнять, – наконец нарушил тишину Александр Сергеевич.

– Почему? – удивилась Таня.

– Потому что ничего этого не было.

– Но это было.

– Но вы же сами сказали, что точно не помните, потому что были пьяны.

– Да, я впервые пила водку и у меня что-то случилось с головой.

– Не похожи вы на пьяницу и развратницу. А в жизни всякое случается: сидели у костра, стало холодно, вам предложили выпить, чтобы согреться, вам стало худо. Ваш кавалер или кавалеры этим воспользовались. Разве не так?

– Не так. Это случилось до того, как я выпила водки.

– Неужели вы не попробовали сопротивляться, закричать, например?

Таня отрицательно помотала головой.

– Вы жестами не отвечайте, я не на вас, а на дорогу смотрю.

– Нет. Я боялась разбудить детей.

– А если бы детей не было?

– Тогда бы всего этого не было.

– Вот и давайте считать, что этого действительно не было.

– А как же Сапожников? Он же всё знает!

– Это просто фантазии молодого человека. Будем считать

так.

– А следовательно?

– Вот следовательно пусть этим и занимается. Что касается меня, то, как директор, я не могу и не хочу в это поверить. В противном случае, мою фамилию начнут склонять в РО-НО по всем падежам и успокоятся только тогда, когда я тоже уволюсь.

– Вы предлагаете смотреть в глаза школьников и врать?

– На двадцатом съезде партии было провозглашено, что нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме. Вы этому верите?

Татьяна Александровна грустно ухмыльнулась.

– Вот видите, вы сами этому не верите, однако каждый день смотрите в глаза своим ученикам и врётё.

Учительница вопросительно посмотрела на директора.

– Что вы на меня так смотрите? Сами-то верите, что Лев Толстой был зеркалом русской революции?

Таня отрицательно помотала головой.

– Значит, мы с вами договорились?

– Александр Сергеевич, для чего вы меня выгораживаете?

– Опять двадцать пять! Во-первых, я не верю в то, что эта история произошла по вашей воле. Скорее всего, вас к этому принудили. А во-вторых, я не вас, а себя выгораживаю.

Автомобиль скрипнул тормозными колодками, клонул носом и остановился.

– Приехали, – сказал директор. – Вы, кажется, здесь жи-

вёте?

Глава 2

Школа – это такое учреждение, где новости узнают с такой же скоростью, с которой они происходят, а иногда кажется, что слухи распространяются гораздо быстрее. Действительно, ведь то злополучное сочинение, которое было сдано в РОНО, никто не читал. Более того, начальство вызвало директора и Татьяну Александровну, не объяснив причины вызова, однако вся школа, по крайней мере, женская её часть, уже всё знала. Приняв решение о том, что ничего страшного не произошло, и что сочинение Сапожникова есть ни что иное, как плод воспалённого юношеского воображения, директор не пошёл на работу, а отправился домой. По телефону он ни с кем не разговаривал, с родными служебными новостями не делился, однако вся школа уже знала о фантазиях ученика и о странной реакции районного начальства.

Когда она пришла на работу, учительницу русского языка и литературы окружила обстановка прямо противоположная той, что была накануне. Каждый сотрудник считал своим долгом подойти к ней и высказать своё негодование в адрес ученика, так жестоко и низко опорочившего своего учителя.

– Вы только подумайте! – возмущалась учительница математики, – От горшка два вершка, а уже такой подлый! Да как он посмел писать про вас такое?!

– Вы читали сочинение? – спросила Таня.

– Теперь это сочинение уже никто не прочтает, – отвечала ей собеседница.

– А я читала. Там нет фамилий. Почему вы решили, что он написал про меня?

Однако голос учительницы литературы был гласом вопиющего в пустыне.

Уж так устроен человек, что слышит он не то, что есть на самом деле, а то, что ему хочется услышать, видит не истину, а плоды своего воображения.

Учительское негодование, как грозовые тучи, сгущалось всё больше и больше, и наконец, как это и положено, разразилось громами и молниями в адрес самого слабого и незащищённого.

Жизнь Пети Сапожникова превратилась в ад, и каждый обитатель этого ада пытался пнуть, толкнуть или укусить. На уроках физики можно было сколько угодно тянуть руку, но учитель ни за что не вызовет к доске. Но, стоит только на мгновение пододвинуть голову, чтобы спрятаться за впереди сидящим, как этот манёвр тут же замечался, и расправы было не избежать. Вскоре этой тактики стали придерживаться учителя и других предметов. Только Татьяна Александровна, которая, по мнению Сапожникова, имела на это право, относилась к нему нормально. Но здесь он не мог прямо смотреть ей в глаза, и, когда она вызывала Петю к доске, он, не вставая с парты, говорил, что не будет отвечать. Ни диктанты, ни изложения, а уж тем более сочинения, Сапож-

ников больше не сдавал. В этом положении ничего не оставалось, как прикрепить к школьнику ярлык двоечника и хулигана, что и было сделано без всяких промедлений.

Трудно сейчас судить, была ли советская система образования лучшей в мире или худшей, но с уверенностью можно сказать одно: умение вешать ярлыки в советской школе было непревзойденным. Однако ученики этого не знали, и все неприятности, связанные с этим, относили к случайности или недоразумению. Петя Сапожников не был исключением. И, если свои неуды по русскому и литературе он мог объяснить, то по другим предметам неприятности выходили за пределы понимания. Порой негодование, вызванное вопиющей несправедливостью, заставляло выучить предмет не на пять, а на все десять, но система была глуха и слепа к его стараниям. Ответив выученный чуть ли не наизусть урок, Петя с замиранием сердца ожидал оценки учителя и, в лучшем случае, слышал от него следующее: «Ты сегодня меня просто поразил своими знаниями! Садись на место. Ставлю тебе твёрдую тройку».

Вода камень точит. Со временем к двойкам и тройкам привыкли не только родители, но и сам Сапожников. Стараться учиться было бесполезно: всё равно больше тройки не поставят. Что касается двоек, то они не особенно часто посещали дневник ученика. Не станет же школа портить свои показатели из-за какого то Сапожникова?

Скучная и нудная школьная жизнь иногда нарушалась

вызовами в милицию. Здесь с Петей разговаривали, как со взрослым, более того, как с равным. Понятно, что эти обстоятельства заставляли Петю лететь в милицию как на крыльях.

– На чём мы с тобой остановились в прошлый раз? – обычно начинал следователь свою беседу.

– На том же, на чём и всегда, – отвечал мальчик. – Вы хотите, чтобы я рассказал, откуда я знаю обо всём, случившемся с Татьяной Александровной, а я вам объясняю, что я ничего нигде не узнавал. Я просто это всё придумал.

– Но этого не может быть, то, что ты написал в сочинении, было на самом деле.

Петя отрицательно мотал головой.

– Ну что хотите делайте – не было этого!

– Хорошо, я понимаю, что тебе нелегко обвинять свою учительницу. Оставим всё это на её совести. Меня интересует совсем другое.

– Какая учительница? У меня, что, в сочинении фамилия указана или её паспортные данные?!

Следователь понимал, что, стоит ему только хоть на немного перегнуть палку, как подросток замкнётся, и тогда информацию, которую надо было вытянуть, можно будет похоронить в детском упрямстве.

– Ну ладно, не хочешь про учительницу – не надо. Давай поговорим о Вовке.

– Каком Вовке?

– Которого похитили.

– Никакого Вовки и в помине не было.

– То есть, как, не было?

Следователь вытащил из стола какие-то бумаги и стал просматривать их.

– Вот, – протянул он Пете листок, – разве это не ты писал? «Вовка пошёл к тем кустам, потому что его очередь была». А вот это? – Милиционер показал другую бумажку.

– Что это?

– Это показания вашей учительницы, из которых видно, что сдавая сочинение, ты сказал ей, что не успел написать про Вовку.

– А я этого и не отрицаю.

– Ну слава Богу, хоть чуть-чуть сдвинулись с мёртвой точки!

– С какой точки? – не понял Сапожников.

– Раз ты не успел написать про Вовку, то расскажи мне о нём сейчас.

– На самом деле, Вовка потерял свой ботинок, и весь отряд искал его.

– И?

– Что, и?

– Дальше что было?

– Ничего. Ботинок нашли в канаве. Вовка надел его и мы пошли в лагерь.

– И всё?

– И всё.

По лбу следователя стекал холодный пот. Он понимал, что ребёнок просто водит его за нос.

– Хорошо, – вдруг сказал он, – пойдём пообедаем, а то на голодный желудок мы не договоримся.

– У меня с собой денег нет.

– Я угощаю. Ты что любишь?

Следователь встал из-за стола и вывел подростка из кабинета. Положив руку ему на плечо, будто это был не допрашиваемый, а приятель. Он шёл с Петей по коридору и обсуждал с ним меню предстоящего обеда.

На самом деле, милиционер прервал свою беседу не из-за голода. Тайм-аут понадобился потому, что он зашёл в тупик, и не знал, как разговорить паренька.

Когда он очутился не в школьном буфете, а в столовой управления внутренних дел, у паренька разбежались глаза. Ему захотелось попробовать всё, что едят настоящие сыщики. Милиционер широким жестом руки показал на блюда с выражением лица, которое можно было понять только как: «выбирай, что хочешь!». Следователь не учёл очень важного обстоятельства: в подростковом возрасте юноши не едят, а сметают всё, что им положат. Довольный Петя с двумя подносами пошёл устраиваться за освободившимся столом, а следователь достал кошелек, чтобы расплатиться с кассиром. По мере того, как кассирша нажимала на кнопки, лицо милиционера мрачнело. Наконец женский пальчик нажал на

самую большую кнопку, и кассирша приготовилась огласить приговор.

– Тихо! Я всё понял, – прошептал следователь.

– Что? – не поняла кассирша.

– У меня с собой столько нет, – прошептал милиционер. –

Можно я завтра принесу?

Кассирша наклонилась к милиционеру и почему-то тоже перешла на шёпот.

– Завтра нельзя, я вечером должна сдать кассу.

– Ну, тогда вечером.

– Хорошо, только не обманите, а то у меня неприятности будут.

После обеда настроение у подростка улучшилось, чего нельзя было сказать про следователя. Он слушал любую болтовню подростка и больше не наседал на него.

– ...вот я и толкую, – говорил Сапожников, – про Вовку я не могу сказать ничего, потому что я про него ещё не придумал.

– Так возьми и придумай, – вдруг предложил милиционер.

– Я так не могу. Мне нужна бумага и ручка.

На стол перед Петей легла толстая пачка бумаги.

– А вот тебе и ручка, – сказал следователь.

Петя вопросительно посмотрел на него.

– Ну, что ещё?

– А ещё нужно чтобы мне никто не мешал.

– Сколько тебе нужно времени?

– Часа два.

Милиционер посмотрел на часы и облегчённо вздохнул. Двух часов было вполне достаточно, чтобы стогнать домой, взять деньги и рассчитаться с кассиршей.

– Я отведу тебя в соседнюю комнату, где ты всё подробно напишешь.

– Нет, мне здесь удобно.

– В таком случае я уйду на два часа, а тебя оставлю здесь. Сапожников кивнул головой.

– Но мне придётся тебя закрыть на ключ, – добавил следователь.

– Это даже лучше. Меня хоть никто не будет отвлекать.

Связи с расследованием дела о похищении ребёнка Андрея Андреевича, что называется, заклинило. Действительно, мальчик нашёлся через два дня. Кроме звонка начальника лагеря в дежурную часть, никаких заявлений в милицию не поступало. Надо было просто закрыть это дело в связи с отсутствием события преступления. Какое же может быть преступление, если ребёнок зашёл ночью по малой нужде за кустик, испугался темноты и потерялся? Несчастный случай – только и всего. Даже на несчастный не тянет – в конечном итоге, ребёнок нашёлся. Следователя насторожило то, что мальчик нашёлся возле проходной лагеря, то есть за пять километров от места происшествия. Складывалось та-

кое впечатление, будто ребёнка подбросили. Пройти назад от палаток до лагеря он не мог, так как этот район прочёсывали местные военные, милиция и сотрудники лагеря. Ещё следователя поразило то, что ребёнок был чем-то очень сильно напуган. Конечно, потерявшись ночью в лесу, любой ребёнок мог напугаться, но, во-первых, не такой уж Володя был и ребёнок – правильнее сказать, подросток, а во-вторых, ночной лес не смог бы напугать до такой степени даже самого трусливого ребёнка, а мальчик был не робкого десятка, это следователь выяснил.

Стоило только Андрею Андреевичу задать мальчику вопрос о его похищении, как тот начинал бледнеть и трястись от страха. Для того, чтобы разобраться в этом деле и не вспугнуть преступников, следователь стал изучать окружение потерпевшего. В школу он решил не обращаться из соображений конспирации. Всю необходимую информацию он получал из РОНО. Именно РОНО выяснило для следователя состав семьи мальчика и род занятий его родителей. Мать и отец Володи работали вместе на трикотажной фабрике. Отец был директором, а мать – главным бухгалтером. Семейственность на государственном предприятии явно противоречила действующему законодательству. Чутьё следователя подсказывало, что именно в профессиональной деятельности родителей надо искать разгадку, но те, как назло, не давали никакой информации. Порою казалось, что они сами не хотят, чтобы нашли похитителей их сына. Одна надежда оставалась

только на самого Володю, но он как воды в рот набрал. Андрей Андреевич обращался даже к начальству, чтобы оно санкционировало наблюдение за родителями мальчика, но полковник, вместо того, чтобы помочь, так отругал его, что больше следователь даже не помышлял об этом. Более того, с каждым днём следствие по этому делу приносило неприятностей всё больше и больше. Ни одного свидетеля, ни одного доказательства – будто сговорились все.

– Ты, дорогой, либо закрывай дело, либо раскрывай его, – ворчал полковник. – Сам знаешь, какая у нас напряжёнка. А тут ни события ни состава нет. Что ты возишься с ним?

– Вы предлагаете закрыть дело?

– Я тебе ничего не предлагаю. Оказывать давление на следователя я не хочу и не имею права, но и следователь должен понять...

Вот так всегда: давай, давай, а что конкретно – никто не скажет.

Андрей Андреевич помучался с этим делом, помаялся, и решил, не мудрствуя лукаво, закрыть его в связи с отсутствием события преступления. Он взял бланк постановления, занёс ручку, чтобы заполнить его, как зазвонил телефон.

– Алё, Андрей Андреевич? Это Николаев из районного отдела народного образования.

– Что там у вас?

– У нас по вашему делу свидетель нашёлся.

– То есть, как, свидетель?

– Приезжайте к нам, я вам такое покажу – волосы дыбом встанут!

Через тридцать минут следователь сидел в кабинете инспектора РОНО и читал сочинение Сапожникова.

– Сделаем так, – уже не просил, а командовал милиционер. – Вызываем немедленно вожатых, кроме русички, и разберёмся с ними. После того, как получим от них показания, завтра утром вызовем эту Татьяну. Когда разберёмся с ней, займёмся вашим Сапожниковым.

– А при чём тут мы? Вызывайте кого хотите.

– Я не хочу их в милицию таскать. Пусть все думают, что ничего не произошло.

– Вы из нас следователей хотите сделать?

– А вам понравится, если райком партии будет разбираться с моральным обликом ваших учителей?

– Мы сами с этим разберёмся.

– Значит, договорились?

– Договорились, – недовольно сказал инспектор.

Перед тем, как начать разбираться со свидетелями, следователь ещё раз решил поговорить с потерпевшим.

– Ну как, Володя, ты больше ничего не вспомнил?

– Что вы ко мне пристали?! – вдруг закричал мальчик. – Я же вам говорил, что ничего не помню!

– Ну хорошо, не помнишь, и не надо. Успокойся только. Разберёмся и без тебя. Слава богу, свидетели нашлись.

При этих словах мальчик побелел.

– Какие свидетели? Никаких свидетелей не было.

– А говоришь, что ничего не помнишь.

Подросток затрясся и упал в обморок. Следователь пожалел, что решил поговорить с Володиёв. Приведя его в чувство, он выпросил у дежурного машину и отправил ребёнка домой.

Как только за ребёнком закрылась дверь дома, на него набросились мать с отцом.

– Зачем тебя вызывали? – дрожащим голосом спрашивал отец.

– Вовочка, только, ради бога, не говори им ничего! – умоляла мать.

– Да не сказал я им ничего. Я притворился, что потерял сознание.

– Ну и слава богу! – облегчённо вздохнули родители.

– Он сказал, что я ему не очень-то теперь нужен. У него свидетели есть.

– Какие свидетели? – забеспокоился отец.

– Там же никого не было, – всплеснула руками мать.

– Я говорю, что мне сказал следователь.

– На пушку берёт, блефует, – попытался успокоить жену отец.

– Слушай, Паша, мне всё это не нравится! За что мы ему деньги платим? Мало того, что на нас наехали, так теперь этот следак копает. Почему до сих пор дело не закрыто? Он же обещал!

– Кто, он? – спросил Володя.

– Ой, Вовочка, лучше тебе этого не знать. Это такая грязь!

Мать так посмотрела на своего мужа, что тот сразу понял, что ему делать. Он отошёл от сына и решительно направился в другую комнату.

– Только не вздумай звонить ему! – крикнула вдогонку жена. – А вдруг этот придурок наши телефоны прослушивает!

– Милая, ты уже на холодное молоко дуешь.

– Бережёного Бог бережёт.

Утром отец Вовы сидел в кабинете полковника.

– Зачем ты сюда пришёл? – недовольно пробасил полковник.

– А что мне прикажешь делать? Твой следак опять Вовку на допрос вызывал.

– Не допрос, а беседу. Допрашивать несовершеннолетних без ведома их родителей запрещено.

– Какая разница, допрос или беседа?

– Хорошо, я поговорю с ним.

– Ты в прошлый раз тоже пообещал поговорить. Почему он дело не закрывает?

– Я ещё раз повторяю тебе: я этот вопрос решу.

– А другой вопрос?

– Какой другой?

– Ты, что, думаешь, это похищение последнее?

– Вы же заплатили им.

– Слушай, кто из нас мент, я или ты? Деньги кончатся, и они снова придут.

– Тут дело сложное. Если бы они под кем-то ходили, я бы нашёл на них управу, но они беспредельщики.

– Слушай, мне надоели твои сказки про беспредельщиков. Ты же не спрашиваешь, как я деньги делаю?

– А зачем мне спрашивать? Я и так всё знаю.

– Вот и делай своё дело молча. Имей в виду, я больше не позволю, чтобы моего сына похищали.

– А что ты можешь сделать, сам бандитов поймаешь?

– Я могу отказаться от твоих услуг.

– Да ну!

– И купить твоего начальника.

Лицо полковника сразу помрачнело.

– Хорошо, следака я от дела отстраню. У нас доктор кое-чем обязан мне, а скоро медкомиссия.

– Пока твоё скоро начнётся, нас всех с потрохами возьмут.

– А вот изменить дату проведения медосмотра – это в моих силах.

– А что насчёт беспредельщиков?

– Дай мне два дня.

– Лады.

Посетитель встал и, не прощаясь, вышел из кабинета полковника.

Когда Андрей Андреевич пришёл утром на службу, его остановил дежурный.

- Андрей, не забудь, сегодня медкомиссия в три часа.
- А почему сегодня? Она же через месяц должна быть?
- Мне поручили всех оповестить, вот я и оповещаю.

Следователь непонимающе пожал плечами и прошёл в свой кабинет. В три часа он в одних трусах стоял в длинной очереди в санчасти на приём к специалистам.

Сестра долго качала грушу своего прибора, спускала воздух и снова накачивала. От этого рука побелела и в кончики пальцев закололи невидимые иголки.

– Да сколько же можно?! – рассердился Андрей Андреевич.

– Вы не волнуйтесь, товарищ.

Сестра снова накачала воздух так, что рука следователя чуть не отвалилась.

– Да что вы делаете?! – закричал на сестру милиционер, отстёгивая от руки прибор.

В кабинет зашёл врач.

– Что у вас тут происходит? – спросил он сестру.

– Пациент не хочет мерить давление.

– Я не хочу?! – возмутился Андрей Андреевич. – Она у вас ничего не умеет делать.

– Она? – удивился доктор. – Надеюсь, меня вы в этом не заподозрите?

Андрей Андреевич молча протянул врачу красную руку. Доктор сделал несколько качков и внимательно посмотрел на пациента.

– Вы вчера не пили? – спросил он.

– Да вы что, с ума здесь все посходили?

– Хорошо, давайте ещё раз проверим.

– Как, опять?!

Доктор второй раз измерил давление и опять уставился на следователя.

– Точно не пили?

– Слушайте, да вы, что, сговорились тут все, что ли?

– Лучше бы вы пили, – спокойно сказал доктор, – у вас, голубчик, стенокардия и, насколько я понимаю в медицине, с нервами у вас тоже не всё в порядке.

При этих словах сердце у Андрея Андреевича заколотилось как сумасшедшее, а лицо налилось кровью.

– Да вы не волнуйтесь так, ничего страшного у вас нет, а что касается службы в органах, то она рано или поздно у всех заканчивается.

Доктор подошёл к стеклянному шкафу, достал бутылочку с мутной жидкостью и отлил лекарства в мензурку.

– Выпейте, голубчик. Это просто успокоительное.

Андрей Андреевич выпил и через несколько минут погрузился в глубокий сон.

Проснувшись, он обнаружил себя на кожаном диване. В санчасти никого не было, только уборщица, позвякивая своим ведром, мелькала по коридору и затирала следы недавнего медосмотра.

– Проснулись? – услышал следователь приветливый голос

сестры.

Она подошла и помогла подняться с дивана.

– Вы можете идти прямо домой. Доктор больничный уже выписал.

Андрей Андреевич, не говоря ни слова, вышел из санчасти. Однако он направился не домой, а к своему начальнику. Зайдя в кабинет, следователь хотел рассказать ему о том, что произошло с ним, но тот опередил.

– Слышал, слышал, Андрей Андреевич, мне всё уже доложили.

– Это какое-то недоразумение, – тихо сказал следователь.

– Сколько лет служу в органах, столько слышу одно и то же – недоразумение. Не ты первый, не ты последний. У меня в последнее время тоже сердечко стало пошаливать, видно, и мне скоро на медкомиссии придётся сказать: «я здоров, это просто недоразумение».

– Но я действительно здоров! Это сестра. Она не умеет мерить давление. Я повторно пройду комиссию.

– Всё старо, как этот мир. Даже слова не меняются. Естественно, вы можете пройти комиссию позже, и даже в другой клинике, но сегодня вам необходимо лечиться. Идите домой и выздоравливайте.

– А...

– За работу не беспокойтесь. Моим приказом вы отстранены от дела в связи с болезнью.

– А кто...

– Александр Вихарев, – не дослушав, сказал полковник. – Вы же хотели спросить, кому я отдам ваше дело?

– Да, – тихо сказал Андрей Андреевич, – разрешите идти?

– Конечно, конечно, идите домой и лечитесь.

Следователь вышел в коридор. Навстречу ему с какими-то бумагами шёл Вихарев.

– Саша, тебе моё дело передали?

– Да.

– Я бы хотел тебе кое-что объяснить.

– Зачем? Я уже закрыл его.

– Как!

– Очень просто, в связи с отсутствием события преступления.

Если с отстранением следователя от дела вопрос был решён быстро, то с беспредельщиками полковнику пришлось поломать голову.

Действительно, не может же он бросить против преступников находящиеся в его подчинении милицейские силы? Стоит только милицейским сыщикам приблизиться к директору, как участие его – полковника милиции, в преступном сообществе будет очевидным. Если какие-то беспредельщики смогли увидеть, что директор трикотажной фабрики живёт на нетрудовые доходы, то для специалистов вывести на чистую воду обыкновенного цеховика не составило бы никакого труда. А если возьмут директора, то он потянет за собой

и его – человека, который во всём прикрывал своего патрона. Можно было бы, конечно, организовать всё через воров в законе, но вся загвоздка как раз и состояла в том, что преступники не подчинялись воровским законам, а следовательно, воровские авторитеты для них равным счётом ничего не значили. Оставалось только одно – действовать самостоятельно, никого в это дело не привлекая. Вычисляя похитителей сына директора, полковник воспользовался подсказкой директора: деньги имеют свойство кончаться. Сумма, выплаченная бандитам за освобождения ребёнка, была не очень большая. Это говорило о том, что преступники неопытные, а коль скоро это так, то потратив её, они обязательно попытаются повторить то, что у них получилось. Ждать пришлось недолго. Через два дня директор позвонил полковнику и рассказал о телефонном звонке вымогателей. Дальнейшее было делом техники. Опытному милиционеру не составило большого труда вычислить преступников и устроить им засаду. Вот здоровый детина прошёл мимо спрятавшегося за углом полковника и, не заметив его, повернулся спиной. Полковник, как пружина, распрямился, и с ножом бросился на противника. Но не успел он занести нож для удара, как почувствовал, что чья-то сильная рука схватила его за горло и перекрыла воздух. Полковник хотел закричать, но горло было так сдавлено, что вместо крика получилось какое-то тихое шипение. Голова закружилась и тело стало обмякать.

– Выследил всё-таки, сволочь легавая, – еле расслышал

чей-то голос полковник.

С левой стороны спины почувствовалась резкая режущая боль, и сознание провалилось в чёрную мглу.

Следователь открыл ключом свой кабинет и зашёл в него. За столом сидел Сапожников и быстро что-то строчил.

– Ну как, писатель, придумал что-нибудь?

Сапожников перестал писать и с явным раздражением посмотрел на милиционера. Андрей Андреевич догадался, что раздражение вызвано тем, что автора грубо вырвали из его придуманного мира.

– Про вымогателей немного не успел.

– Ничего, в следующий раз придумаешь.

– А он будет?

– Кто, он?

– Следующий раз.

После этих слов по спине следователя пробежали мурашки.

– Конечно, будет, – твёрдо сказал он. – Иди домой, а я постараюсь сегодня прочитать.

Петя встал и молча вышел из кабинета. Следователь собрал исписанные листы, положил их в портфель и тоже пошёл домой.

Придя на следующий день в управление, Андрей Андреевич обнаружил, что сотрудники столпились у дежурного и

что-то громко обсуждали.

– Вообще, такие вещи надо заранее объявлять, – возмущался долговязый офицер. – Может быть, у меня трусы рваные!

– А ты попроси полковника, чтобы тебе со склада новые по такому случаю выдали, – посоветовал кто-то.

Сотрудники не засмеялись, а заржали над товарищем после этой шутки.

– Что, сегодня срок замены трусов у офицерского состава? – тоже решил пошутить Андрей Андреевич, подходя к дежурному офицеру.

– Нет, сегодня медицинский осмотр у всего личного состава, а у капитана Свиридова трусы рваные.

Офицеры снова разразились смехом, а Андрей Андреевич прислонился к стенке и закрыл глаза.

– Андрей, что с тобой? – услышал он голос дежурного.

– Нет, ничего.

– Как же ничего, ты же бледный, как снег.

– Не выспался, – решил отшутиться следователь. – Всю ночь детектив читал.

Андрей Андреевич оттолкнулся от стены и пошёл в свой кабинет. Он пытался как-то успокоить дрожь в ногах, но они его не слушались.

– Андрей, ты куда? – снова услышал он голос дежурного.

– В кабинет.

– Сегодня медосмотр. Санчасть в другой стороне.

Дежурный показал рукой в противоположенную сторону.

– Что ты прицепился к человеку? Может быть, у него вообще трусов нет, – пошутил кто-то из офицеров.

Взрыв смеха раскатился по всему управлению. Моментально внимание всех переключилось с Андрея на шутника, что позволило следователю незаметно подняться на третий этаж, зайти в свой кабинет и закрыть его за собой на ключ. Андрей Андреевич открыл сейф, достал оттуда таблетку элениума, подумал немного, достал ещё одну, проглотил обе и запил двумя стаканами воды. Затем следователь достал листы, исписанные Сапожниковым, и стал перечитывать их. Телефонный звонок раздался тогда, когда последний лист был прочитан и положен на стол.

– Андрей, ну куда же ты пропал? – услышал он в трубке голос дежурного. – Я же тебе говорил, что мы с утра медкомиссию должны пройти. Наши все прошли, ты один остался.

– Сейчас иду, – еле выдавил из себя Андрей Андреевич.

Он встал, подошёл к сейфу, достал ещё одну таблетку элениума, принял её и пошёл на медосмотр.

В санчасти уже никого не было. В дверях его встретил взволнованный дежурный.

– Ну слава богу! Давай скорее, Андрюша, ты же остальных задерживаешь. Перед врачами надо измерить давление у сестры, это там, – дежурный показал рукой на небольшую дверь.

– Я знаю, знаю, – ответил Андрей Андреевич. – Ты иди,

дальше я всё сделаю.

Дежурный отошёл от него на два метра и удивлённо пожал плечами.

– Знаешь? Откуда? Тебя же здесь не было?

Но вопросы так и остались без ответа. Андрей Андреевич тяжело вздохнул и вошёл в кабинет.

Через несколько минут из кабинета выскочила взволнованная сестра и без стука вбежала в кабинет председателя медкомиссии.

– Степан Егорович, – закричала она, – там такое, такое!

Врач несколько раз перемерил давление снял прибор и удивлённо посмотрел на сестру.

– Что это? – спросила она.

– Вот так, – ответил доктор, – и выдумывать ничего не надо.

Сестра непонимающе пожала плечами.

– Срочная госпитализация! – сказал врач. – Вызывайте транспорт.

В госпитале Андрей Андреевич часто думал над тем, что с ним произошло. Врачам он не говорил, что перед медосмотром съел большую дозу элениума. Ему было стыдно, что он – опытный человек, поддался эмоциям из-за писанины какого-то мальчишки и наелся успокоительного столько, что его пришлось госпитализировать. Естественно, в госпитале здоровье следователя поправилось, и Андрея Андреевича вско-

ре выписали, так и не поняв, что с ним произошло.

Вернувшись в управление, Андрей Андреевич поздоровался с дежурным.

— Когда я уходил, ты дежурил, и когда вернулся — снова ты, — улыбнулся он.

Но дежурный не ответил улыбкой на улыбку.

— У нас несчастье. Убит полковник Комаров.

У Андрея Андреевича снова слегка задрожали ноги.

— После твоей госпитализации, — продолжал рассказывать дежурный, — дело передали Вихареву, и он закрыл его в тот же день в связи с отсутствием события преступления. Так вот, товарищ полковник самостоятельно стал расследовать это дело. Он устроил бандиту засаду и хотел было уже задержать преступника, как другой...

— ...схватил полковника сзади за горло и ударил ножом в спину, — продолжил за дежурного Андрей Андреевич.

— Вот видишь, ты уже всё знаешь. Сегодня похороны. Ты придёшь?

— Да, — ответил Андрей Андреевич, потом подумал, и отрицательно помотал головой. — Нет, мне сегодня срочно к одному писателю наведаться надо.

Дежурный непонимающе пожал плечами и больше ничего не спрашивал.

Ходить в булочную за хлебом, а также следить, чтобы он был необходимого количества и качества, было Петиной

обязанностью. Если за ужином выяснялось, что хлеб чёрствый, или, не дай бог, его совсем нет – пощады не жди. Прези-
рающие взгляды родителей испепеляли бедного ребёнка без
всякой жалости. Поэтому, перед приходом родителей с рабо-
ты Сапожников младший заглядывал в хлебницу, проверял
хлеб, а при необходимости бежал в булочную. Так было и на
этот раз. Мальчик взял в банке из-под кофе деньги, которые
лежали на кухне, и выскочил на улицу. Возле подъезда он
увидел невысокого человека, который стоял и кого-то ожи-
дал. Человек стоял к Пете спиной, но осанка и пропорции
тела мальчику показались знакомыми. Петя обошёл незна-
комца и посмотрел ему в лицо. Мальчик сразу узнал в незна-
комце следователя. Эта встреча скорее обрадовала школь-
ника, чем опечалила. Во-первых, ему нравилось ходить в
милицию, где с ним разговаривали на равных, а во-вторых,
как любому автору, ему хотелось знать мнение относительно
своего сочинения.

– Здравствуйте! – застенчиво сказал Петя. – Вы меня ждё-
те?

– Да, я к тебе, – ответил следователь.

– Вы хотите, чтобы я пришёл к вам?

– Нет. Дело закрыто. Его передали другому следователю,
потому что я был госпитализирован после прохождения ме-
дицинского осмотра.

– Госпитализирован?

– А что ты так удивляешься? Разве в твоём сочинении ты

не описывал это?

– Значит, вы читали?

– Читал. Иначе я бы не сказал этого.

– Но у меня про госпитализацию не было ни одного слова.

– Это правда. Но, к сожалению, всё остальное ты описал со всеми подробностями. Даже фамилия следователя, которому передадут дело, было написана тобой правильно.

– Честное слово, я всё это придумал.

– А полковник?

– А что полковник?

– Мой командир, начальник следственного отдела, убит. Сначала придушен, как ты написал, а потом ему сзади в сердце воткнули нож.

– Не может этого быть! – воскликнул Сапожников.

– Может, Петя, может.

– Вы хотите сказать, что я всё знал, и написал про это?

– Нет. Я хочу сказать, что природа тебя наградила удивительным даром. Ты должен стать знаменитым писателем, потому что ты гений.

– Гений, я?

– Да, ты.

– А вы знаете, какая у меня в школе кликуха?

Милиционер улыбнулся и отрицательно помотал головой.

– Чернокнижник.

– Сами они чернокнижники. Пройдёт время, и они будут гордиться тем, что когда-то учились вместе с тобой.

Андрей Андреевич задумался и искоса посмотрел на паренька.

– Значит, ты считаешь, что полковник замешан во всём этом деле?

– Я всё это придумал, – снова сказал Петя.

– Ах, да.

– Если хотите, можете дать мне бумаги и запереть в своём кабинете.

– Нет. Дело закрыто, а с полковником будет разбираться другой человек. Я хочу просто попрощаться с тобой. Сдаётся мне, что я тоже буду гордиться, что был знаком с тобой.

Следователь подошёл к подростку ближе, взял его руку и сжал её в крепком рукопожатии.

– Ну, вот и всё. Прощай. Я хотел бы ещё успеть на похороны полковника.

– Обождите, не уходите, – сказал Петя.

Он положил свою руку на плечо следователя и закрыл глаза.

– Не ходите на похороны, – неожиданно сказал мальчик. – Теперь всё, прощайте.

Почему вдруг Сапожников сказал это следователю? От чего он хотел предостеречь Андрея Андреевича – непонятно. Но прощание с сочинителем произвело на милиционера сильное впечатление. Настроение испортилось. Появилось ощущение большой и невозполнимой утраты. За плохим настроением пришло и неразлучное приложение любой ханд-

ры – раздражение. Негатив увеличивался и наконец достиг той стадии, при которой уже начинают произносить слово «депрессия».

Андрей Андреевич зашёл в управление, хотел найти кого-нибудь из начальства, чтобы выплеснуть на него хоть часть негатива, но, к сожалению, никого не нашёл. Все были на похоронах. Тогда он написал рапорт об увольнении со службы по состоянию здоровья, отдал его дежурному и ушёл домой.

Нет необходимости рассказывать, как у нас на Руси лечатся от депрессии. Андрей Андреевич не был исключением. Он нажарил картошечки с лучком, открыл бутылку водки, обмакнул пучок зелёного лука в соль, наполнил стакан до самого верха и приступил к лечению.

Может быть, тот метод, которым воспользовалсяследователь, и не был передовым, но то, что он был эффективным, с этим поспорить не сможет никто.

Через три дня вернувшись на службу, он обнаружил, что его прогула вообще никто не заметил. Андрей Андреевич вспомнил, что под влиянием хандры написал рапорт об увольнении. Он хотел пойти в кадры и забрать его, но вдруг обратил внимание на то, что никто его не спрашивал о рапорте. Милиционер зашёл в дежурную часть и проверил, не затерялся ли он. Нет, рапорт был направлен по инстанциям в тот же день. «Никого моя судьба здесь не волнует, – подумал Андрей Андреевич. – Я здесь не человек, – винтик, ме-

ханизм, деталь». Хандра нахлынула с новой силой, и он решил не забирать своего рапорта.

Милиционер ошибался, что о нём никто не помнит. Его новый начальник, который заменил не только старого шефа, но и помощника директора трикотажной фабрики по криминальным делам, как раз очень серьёзно думал о нём. С задачей поимки беспредельщиков и убийц своего предшественника он справился легко. Направив на двух уголовников весь механизм милицейского аппарата, он легко поймал преступников, но те, как будто совершенно случайно, были застрелены при попытке к бегству. Оставалось устранить слишком ретивого следователя, но тот сам подал рапорт об увольнении.

Андрею Андреевичу назначили маленькую пенсию, и, без всяких почестей, проводили на заслуженный отдых.

Но, если у бывшего милиционера трудовая деятельность подошла к концу, то у Пети Сапожникова она ещё и не началась. Ему предстояло закончить школу и, желательно, поступить в какой-нибудь институт. Однако надеяться на высшее образование при таких школьных ярлыках было совсем нереально. Родители приняли единственно правильное решение, и перевели сына в другую школу. Всё бы вошло в норму и протекало по обычному советскому сценарию, если бы советская система образования представляла собой институт просвещения, но она была частью системы, перело-

мать которую было невозможно, или, говоря языком той самой системы: учение её было всесильно, потому что оно верно. (Это не совсем понятно, но в советские времена понимать было не обязательно. Надо было знать цитаты наизусть и повторять их, чем чаще, тем лучше, где надо, и где не надо.)

Личное дело Пети Сапожникова пришло в новую школу гораздо раньше, чем ученик.

– Обратите внимание на этого ученика, – говорила классному руководителю завуч, протягивая ей личное дело.

Та стала внимательно изучать бумаги.

– Нет, нет, там всё в порядке.

Далее следовал длинный и красочный рассказ про нового ученика, а особенно про его учительницу. Естественно, что вокруг завуча собрались все учителя, которые были в учительской.

– Откуда же он всё узнал? – удивлённо спросила молоденькая учительница.

– Мало ли случайностей на свете! Кто-то рассказал, вот он и воспользовался, чтобы отомстить учительнице.

– И её из-за него уволили? – спросила математичка, почему-то запихивая свой транспорт в стол географа.

– Её – нет, – отвечала завуч. – Директор помог. Он представил всё дело так, что ученик всё это выдумал, а вот трём учителям из других школ не повезло – их уволили.

– Я слышала, что им интересовалась милиция, – вдруг вставила своё слово биологичка.

– Да, да, – подтвердила завуч. – Но здесь история совсем тёмная. Следователь, который вёл это дело, после общения с этим мальчиком вскоре заболел и уволился.

– Слава богу, что жив остался! – сочувственно сказал кто-то.

– А вы знаете, какое у него было прозвище в старой школе? – спросила завуч.

Все повернулись в её сторону и, кажется, даже прекратили дышать.

– Чернокнижник, – сказала она таинственно.

А родители Чернокнижника, совершенно трезво оценивая обстановку, поняли, что без посторонней помощи их сыну не обойтись. Как бы они не старались, но школа никогда не снимет с ученика ярлык, который сама же ему и наклеила. И, если на первый взгляд ситуация, которая сложилась у Пети Сапожникова, казалась безвыходной, то это только на первый взгляд. Каждая советская семья знала, что наверстать то, что упустила школа за десять лет, можно за один год с помощью репетиторов. Репетиторов, естественно, надо было нанимать из того ВУЗа, куда следовало поступать ребёнку. Это было своеобразной гарантией того, что ребёнок поступит. Даже если репетитор и не сможет за год исправить все огрехи школьных преподавателей, он всё равно пропихнёт своего протеже в ВУЗ по другим каналам, (деньги же уплачены).

Затруднение вызывал русский язык и литература. В технических ВУЗах не было преподавателей по этим предметам. Правда, этот предмет не был профилирующим, и по нему надо было получить всего тройку, но её всё равно получить было надо.

В добавление к сказанному, следует отметить, что, если в годы развитого социализма страна жила по правилам плановой экономики, то репетиторство регулировалось исключительно рыночными рычагами. Помня о том, что уголовное законодательство преследовало этот вид деятельности, и доходы от него приписывало к нетрудовым, легко можно представить, во сколько родителям обходилась подготовка одного абитуриента.

– Короче, я всё подсчитал, – говорил отец на семейном совете. – Если платить целый год за физику и математику, то нам с горем пополам хватает.

– А русский? – спросила мать.

– На русский ничего не остаётся.

– Петя, ты же дружишь с вашим отличником? Неужели он тебе не может помочь?

– Ты кого имеешь в виду? – не понял Петя.

– А кого мне иметь в виду? Конечно, твоего полного тёзку – он у вас один круглый отличник.

– Отличник он, действительно, круглый, но я бы не назвал его другом.

- Какая разница? Во всяком случае, вы не враги. Неужели ты не можешь попросить его научить тебя писать сочинение?
- Я даже не знаю, как это сделать...
- Я решу этот вопрос, – неожиданно сказал отец.
- Как решишь? У нас же больше не остаётся денег?
- Это моё дело. Я сказал, что решу этот вопрос, значит, я его решу.

Глава 3

Однофамильцу и тёзке Пети Сапожникова, тоже Пете и, естественно, Сапожникову, как и почти всем ученикам того времени, тоже повесили ярлык. Правда, ярлык тот был совершенно другого качества. Петя был любимчиком. Как он им стал, мальчик не помнил. Он просто привык к своему статусу и уверовал в свою исключительность. Бывало, ученик пыхтит, старается у доски, а выдать из себя кроме тройки ничего не может. Тогда учитель вызывает Петю, чтобы остальным урок преподать.

– А я ничего не учил, – ответит Петя, то ли потому, что ему захотелось покапризничать, то ли для того, чтобы показать всему классу свой уникальный статус.

– Да быть такого не может?! Вспомни...

И учитель вместо ученика начинал отвечать урок.

– Ну, вспомнил?

Ученик утвердительно кивал головой.

– А ты говоришь, что урока не знаешь! Давай дневник.

Петя подавал дневник и садился на место. Он даже не открывал его, чтобы посмотреть отметку. А зачем, разве и так не ясно? Зато одноклассники после урока окружали Петю и требовали показать отметку.

– Нет, вы только посмотрите, – возмущались они, – опять пятёрка!

— А вы сколько хотели? — самодовольно спрашивал Петя.

Вполне понятно, что прозвищем, которым наградил его коллектив, было «Везунчик».

Однако не стоит думать, что Везунчик получал свои пятёрки просто так. Он, как гладиатор, сражался за свой статус и защищал его, как тигрица защищает своих малышей в момент опасности. Горе тому, кто хоть чуть-чуть, случайно, невзначай прикасаясь к этой святыне — он тут же становился врагом. И никакие смягчающие обстоятельства тогда не имели значения. Приговор выносился незамедлительно и не имел срока давности.

Однажды в класс пришёл новенький. Учитель математики имел неосторожность перед всем классом похвалить нового ученика и поставить его в пример. К сожалению, новый фаворит продержался не долго: на первой же контрольной он получил неуд за грязь, которую развёл в тетради. Ой, как он возмущался, как доказывал, что эта грязь не его! Все только смеялись над ним. Действительно, ну не учитель же навёл эту грязь в тетрадке ученика? Учитель, конечно, не навёл, однако читатель наверняка уже заподозрил кого-то, кроме учителя. Заподозрил, и оказался прав. Но что может читатель? Он же не в классе и даже не в школе: сидит, читает книжечку в своё удовольствие, и ему абсолютно наплевать, что у новенького и по физике грязь, и по литературе, а по английскому из тетрадки целый лист пропал, и вышло так, что вроде ученик вообще никакой контрольной не де-

лал – только число и заглавие написал. Тут, ясное дело, кроме единицы надеяться больше не на что. Больше всего всех раздражало, что новенький нагло врёт. Смотрит на учителя своими круглыми ангельскими глазами и нагло заявляет, что лист из его тетради кто-то вырвал. Нет, вы только подумайте – ляпнет такое, стоит и ждёт, чтобы учитель, вроде как, оправдался перед ним. Однако оправдываться перед таким, естественно, никто не будет. Прилепили новенькому ярлык, и дело с концом. Вскоре он не только за контрольные, но и за устные ответы неуды стал получать. Проучился ученик полгода, забрали его родители, да и перевели в другую школу. На том всё дело и закончилось.

Дело закончилось, да только не для Везунчика. Однажды староста класса задержался в школе. По каким делам он допоздна просидел в школе, уже никто не знает, но, возвращаясь домой, он заметил, что в учительской кто-то есть. Староста заглянул в дверь и увидел Везунчика, который рылся в тетрадях. На следующий день староста при всём классе рассказал о случившемся.

– У него ключ от учительской есть, – говорил он. – А мы не верили новенькому, когда он говорил, что ему кто-то лист из тетрадки вырвал.

– А ты видел его в лицо? – спросил старосту кто-то.

– Нет, он ко мне спиной стоял. Но мне кажется, что это был... – староста посмотрел на Везунчика.

– Если кажется, креститься надо, – оборвал его тот. – Ес-

ли есть доказательства – выкладывай, а если нет, то помалкивай себе в тряпочку. Если каждый будет говорить, что ему кажется, можно представить, что у нас начнётся.

Звонок прервал разговор. После уроков эта тема больше не поднималась, а на следующий день староста не пришёл в школу. Произошёл несчастный случай – мальчик упал с лестницы и повредил позвоночник. Старостой класса выбрали Везунчика.

Надо признаться, что мир, окружающий нас, основан не на принципах справедливости. Действительно, одному – всё, другому – ничего. Такую картину можно наблюдать повсюду. Вот и в нашем случае: можешь себе хоть лоб от усердия разбить, всё равно сливки достанутся Везунчику. Тут уж ничего не поделаешь, на то он и Везунчик.

В Союзе в те времена был в моде мотоцикл «Ява». Старые машины: Урал, Восток, Юпитер, тоже, конечно, были хорошие, но ни в какое сравнение с Явой не шли. Красного цвета, с никелированным топливным баком, весь гладкий и мягкий! Одно слово – импорт. Где его покупали, никто не знал, в магазинах таких мотоциклов не продавали, но, когда эта машина появлялась на улице, вокруг неё сразу же собиралась огромная толпа, и кто-то очень сведущий рассказывал об удивительных возможностях нового мотоцикла.

Одним из немногих счастливых обладателей этой чудо-машины был отец Чернокнижника. Папа привёз его из за-

гранкомандировки и держал в гараже. Пользовался отец им очень редко: во-первых, потому что всей семьёй на нём не поедешь, а во-вторых, потому что отец вскоре купил «Москвич», который был покрыт славой не меньшей, чем «Ява».

Вскоре отцовские загранкомандировки закончились, и автомобиль с мотоциклом стояли в гараже, напоминая семье о том, что не только нужда была покровительницей семейной жизни, были и светлые дни, когда семья, не считая денег, отдыхала, что называется, на полную катушку.

Когда всё валилось из рук, когда у отца от отчаяния и безысходности играли желваки, мать брала супруга за руку и отводила в гараж. Там открывалась бутылочка, и супруги, забыв о неприятностях, смотрели на Яву с Москвичом и вспоминали самые счастливые дни своей жизни.

– А помнишь, Миша, как мы на мотоцикле в Таллинн ездили?

– Мы тогда разбили палатку у телевышки, – уточнял отец.

– Все ходили и смотрели на наш мотоцикл.

– Они не могли понять, почему на иностранном мотоцикле наши номера.

Далее шли воспоминания о Москвиче, о путешествиях и приключениях, без которых никогда не обходилось. Настроение улучшалось, и невзгоды не казались уже такими страшными.

Иногда отец выгонял свой Москвич из гаража и катал всю семью за городом. Тут была и рыбалка, и вылазки за гриба-

ми, и просто езда с ветерком. Это обычно происходило после получки или премии.

После прогулок Москвич с Явой тщательно мылись и терпеливо ждали новой поездки.

– Папа, а для чего ты мотоцикл моешь, – спрашивал Петя, – мы же на нём не катались?

– Техника должна всегда содержаться в чистоте, – отвечал отец.

Мать обнимала сына за плечо и шептала ему в ухо:

– Пускай моет. Это ему доставляет удовольствие. Мне кажется, что он свои машины больше жены любит.

– Не больше, конечно, – ответит отец, услышав слова жены, – но техника, как и женщина, любит ласку и чистоту.

В последний школьный год эта семейная традиция была нарушена. Всё время и все средства были направлены на достижение одной единственной задачи – поступления сына в ВУЗ.

После занятий Петя, наспех запихнув что-нибудь в рот, бежал к репетитору, потом бегом домой, домашние задания, поздний ужин и отбой. Такой бешеный темп, казалось, невозможно было выдержать, но человек, как известно, привыкает ко всему. Сын привык, что видит родителей только утром, а родители смирились, что погладить по головке своего сыночка можно только спящего.

Однажды, во время короткого утреннего общения за завтраком, отец сказал:

– С сегодняшнего дня у тебя прибавляются занятия по русскому и литературе.

– Господи, куда же больше! – взмолился Петя.

– Ничего не поделаешь, такова жизнь.

– И куда мне надо будет бегать к этому репетитору?

– Это не репетитор.

– А кто же он?

– На репетитора уже денег не хватает. Это ученик с вашей школы, отличник, на всех олимпиадах занимает первые места, – объяснил отец.

– Кстати, твой однофамилец и тёзка, – добавила мать.

– Везунчик, что ли?

– Какой везунчик? – не понял отец.

– Кликуха у него такая.

– Помнишь, мы уже говорили о нём? – напомнила мать.

– Но мы с ним близко даже не знакомы, просто я знаю, что он есть – вот и всё.

– Значит, пришло время познакомиться поближе, – подытожил отец.

На этом разговор закончился. Родители посмотрели на часы, ойкнули, выскочили из-за стола и, дожевывая на ходу бутерброд, убежали на работу. Петя вымыл за ними посуду, собрал портфель и ушёл в школу.

На перемене Везунчик сам подошёл к Пете.

– Привет, тёзка! Это с тобой мне надо заниматься?

Петя, не зная, что ответить, пожал плечами.

– Не тушуйся, насмерть не замучаю. Сегодня после уроков жди меня у входа в школу.

– Пойдём заниматься? – робко спросил Петя.

– Пойдём, пойдём, заодно и позанимаемся.

После уроков два Пети пошли заниматься. Правда, их путь странным образом пролегал мимо домов школьников, и закончился у старых гаражей. Везунчик подошёл к гаражу отца Черно книжника и достал из кармана ключ.

– Пришли, – сказал он.

– Что здесь? – удивился Петя.

– А что тебя не устраивает?

– Я думал, что мы будем заниматься!

– Подержи, – вместо ответа услышал он голос Везунчика.

Петя взял портфель тётки и стал наблюдать, как тот пытается открыть металлическую дверь гаража. Дверь, видимо, перекосило, и она не поддавалась. Петя стоял и с удивлением наблюдал, как его новый знакомый по-хозяйски открывает отцовский гараж.

– Это и будет наше первое занятие, – говорил Везунчик, упираясь в дверь. – Сейчас покатаемся на мотоцикле, а затем ты опишешь мне свои ощущения. Годится?

Дверь поддалась и со страшным скрипом открылась. Везунчик зажёг свет, и Петя увидел в углу гаража отцовскую Яву. Она, вся забрызганная грязью, смотрела на Петю своим единственным глазом и как бы говорила: «Забери меня от-

сюда! Мне здесь плохо!»

– Но, ведь это же...

– Да, недавно это был мотоцикл твоего отца, – гордо сказал Везунчик, прервав Петю, – а теперь это моя машина.

– Отец таким образом расплатился с тобой за занятия?

– Всё в этом мире стоит денег, – сказал Везунчик.

– А ключи?

– Мне негде его держать, и твой отец разрешил некоторое время пользоваться гаражом.

– А почему он такой грязный?

– Потому что танки грязи не боятся.

Везунчик подошёл к мотоциклу, выставил нейтральную передачу, повернул ручку газа и завёл мотор. Мотоцикл взревел. Пете показалось, что он слышит не рокот мотора, а стон попавшего в капкан зверя. Машина затряслась, будто человек, испускающий дух в предсмертных судорогах. Петя подбежал к мотоциклу, схватил его за руль и прижался к нему.

– Нет, нет, – услышал он рядом голос тёзки, – за рулём буду я, а ты садись сзади.

Петя с потухшим взглядом, в какой-то прострации, послушно сел сзади. Машина взревела, рванулась с места и выехала из гаража.

Накатавшись, Везунчик довёз своего пассажира до дома.

– Опиши все свои ощущения и завтра принеси мне, – ска-

зал мотоциклист, потом он вывернул ручку газа и скрылся из вида.

Однако мотоциклисту явно не хотелось расставаться со своей новой игрушкой. Адреналин ещё не в полной мере вспенил кровь, сердце ещё не замирало на крутых виражах, дыхание ещё не останавливалось, когда машина, оторвавшись от земли, как птица, несколько мгновений находилась в состоянии свободного полёта. Везунчик помчался за город, где шоссе представляло собой прямую, как стрела, линию, где холмы должны были подбросить машину и подарить её новому хозяину незабываемые мгновения блаженства.

Добравшись до места назначения, мотоциклист остановился. Как спортсмен перед решающим прыжком, он отдыхал и собирался с силами. Но вот настала решающая минута. Везунчик поправил новенький шлем, который был только что приобретён, затянул на запястьях кожаные перчатки и плавно отпустил ручку сцепления. Машина мягко покати-лась по асфальту. Амортизаторы нежно покачивали седока, как бы стараясь его усыпить. Вот наездник слегка повернул на себя ручку газа, и тембр двигателя изменился. Теперь никакой нежностью даже и не пахло. Мотоцикл подъехал к основанию холма, и газу пришлось прибавить ещё. Теперь мотор не пел и даже не стонал. Он ревел, как истребитель, приближающийся к порогу звуковой скорости. Подъём на холм закончился, и мотоцикл, перевалив через хребет возвышенности, помчался вниз, увеличивая скорость.

К подножью следующего холма машина не приехала, а прилетела. Вот она легко преодолела подъём и оторвалась от земли. Блаженство растеклось по всему телу мотоциклиста. Однако этого ему было мало. Это ведь мотоцикл летел, а не его хозяин. А хозяину хотелось, чтобы летел он. Человек должен был слегка оторваться от сидения, и вот тогда он, хоть и на мгновение, но превратится в птицу. Для этого надо было ещё немного добавить газа.

Машина остановилась, мотоциклист собрался с духом, и вторая попытка началась. Но ни вторая, ни третья попытка не привела к желаемому результату: тело мотоциклиста плотно прижималось к сидению в течение всего полёта. При четвёртой попытке ручка газа была вывернута до отказа. Машина быстро преодолела подъём, подпрыгнула на хребте и как пуля помчалась вниз. Вот она взлетела на следующий холм, и колёса оторвались от земли. Везунчик почувствовал, что его тело медленно отрывается от сидения. Он полетел. Однако восторг быстро сменился ужасом. Тело не желало возвращаться на своё место. Оторвавшись от земли, мотоцикл со своим хозяином превратились не в одну, а в две птицы, и каждая летела по своей траектории. Вот ноги мотоциклиста отделились от педалей и наконец неведомая сила оторвала руки от руля. Человек полностью был отделён от машины.

Далее влияние человека на технику прекратилось. Более того, Петя ощутил, что он подчиняется каким-то «космиче-

ским», а не земным законам. Во-первых, не было земного притяжения: тело существовало помимо земли, оно впервые парило в воздухе. Во-вторых, и в самых удивительных, время полностью изменилось: оно текло совершенно по-другому. За какую-то долю секунды Петя мог наблюдать за процессами, для наблюдения за которыми там, на земле, ему понадобились бы часы. Он внезапно очутился в прошлом, и перед его глазами прошли картинки из его детства. Однако это были не просто картинки, он не только видел, но и осязал и обонял прошлое. Странно было то, что, находясь в прошлом, Петя не терял связи и с настоящим. Он одновременно видел и реальные события: вот его мотоцикл медленно отплывает от него и начинает опускаться на землю. Вот колёса ударяются об асфальт и отваливаются. Какая-то железяка отскочила от колеса и полетела в его сторону. Когда железяка приблизилась, Петя понял, что это цепь мотоцикла. Она крутилась и издавала пронзительный душераздирающий визг. Вот цепь поравнялась с его головой и ударила в шлем. Тот сначала съехал на бок, потом отделился от головы и полетел самостоятельно. Мотоциклист посмотрел вниз, и увидел свою изуродованную машину, которая с бешеной скоростью неслась прямо на камень. Вот машина, а вернее, груда металла, врезалась в валун, лежащий на обочине дороги, рассыпалась на множество частей и извергла из себя огромное облако огня. Огонь подполз к лицу и слегка коснулся его, опалив волосы. Далее время снова изменилось, оно потекло так же

быстро, как и до полёта. Петя даже не успел ни о чём подумывать, как почувствовал сильный толчок в спину и мокрый плевок в лицо. Подросток протёр глаза и обнаружил, что лежит метрах в пятнадцати от дороги, в вонючем болоте, а рядом, у обочины, за валуном, лежали изуродованные части бывшего мотоцикла. На поверхности камня догорал бензин, который вылился из топливного бака. Петя ощупал себя и, к своему удивлению, обнаружил, что на нём не было даже царапины, только от челки слегка пахло палеными волосами. «Я действительно везунчик», – подумал он.

Что касается другого Пети, то он пошёл домой и стал честно выполнять задание, которое ему дал новый «репетитор». Правда, ему никак не давал сосредоточиться бывший отцовский мотоцикл. Подростку всё время казалось, что машина жаловалась ему на то, что её продали, на то, что она стоит грязная и неухоженная. Петя вдруг представил, что машина была такой же живой, как и он.

«Когда я сел на заднее сидение, я же предал его! – подумал мальчик. – А потом? Что было с ним, когда я ушёл домой, а его оставил с новым хозяином?»

Рука взялась за перо и стала быстро выводить строки. Голова не поспевала за ней. Постепенно сознание стало расплываться, голова клюнула один раз, второй, и наконец успокоилась на исписанных листах.

Отец, увидев сына, подозвал мать.

– Смотри, кажется, за ум взялся. Вырубился прямо на бо-

евом посту.

– Слава богу! Только не надо его будить.

Родители раздели сына и помогли перебраться на кровать.

Утро следующего дня ничем не отличалось от других будничных дней. Будильник своей противной трелью согнал с тёплых и уютных постелей всю семью. Далее следовало соревнование в беге на короткую дистанцию к месту, которое утром пользуется особой популярностью. Всем, кроме первого, в этой гонке доставалось ещё и мучительные танцы или прыжки с ноги на ногу у заветной двери.

Далее следовали быстрое мытьё и завтрак, если, конечно, поедание бутерброда на ходу можно назвать завтраком. Определённый шарм придавало то обстоятельство, что всё описанное происходило если не во сне, то, во всяком случае, и не наяву. Человек хоть и вставал с постели, но до конца ещё не проснулся.

Проделав только что описанную процедуру, Петя сгрёб всё, что оставалось с вечера на письменном столе в портфель, и побежал в школу. Перед входом он увидел Везунчика, который явно чем-то был расстроен.

– Ты меня ждёшь? – спросил он своего нового репетитора.

– А, это ты?

Петя удивлённо посмотрел на своего тёзку.

– Ты написал, что я просил тебя?

– Не знаю, – ответил Петя.

– То есть, как это, не знаю?

Вместо ответа Чернокнижник начал судорожно рыться в портфеле.

– Ты, что, ещё не проснулся? – ухмыльнулся Везунчик.

– Если честно, то да.

– Везёт же людям! – произнёс с завистью Везунчик. – Ко-му-то не проснуться, а кто-то всю ночь уснуть не мог.

Наконец Петя нашёл, что искал. Он протянул Везунчику исписанные листы.

– Вот, – с облегчением сказал он.

В это время раздался звонок, и Петя проснулся окончательно.

– Ладно, я прочитаю, – сказал Везунчик. – После уроков встретимся.

На занятиях Чернокнижник мучительно вспоминал, что он написал для своего тёзки. Однако, как он ни старался, но вспомнить не мог. Это состояние может припомнить, наверное, каждый, и каждый знает, что если человек что-то «заспал», то вспомнить это практически невозможно.

Не буду хулить всю советскую систему образования. Но, если она смогла отвлечь ученика от своих назойливых мыслей и заставила думать над тем, над чем надлежало думать ученику, значит не всё так плохо было у нас с просвещением. К концу занятий наш герой совсем забыл о своём сочинении, и вспомнил о нём тогда, когда увидел перед собой гневный взгляд Везунчика.

– Как ты узнал?! – крикнул тот, брызгая слюной в лицо.

– Что? – не понял Петя.

– Ты вчера не пошёл домой, а поехал следить за мной!

– Я?

– Ну не я же?

– Я не понимаю, о чём ты говоришь!

– Всё ты понимаешь! Не надо прикидываться!

– Да что с тобой!?

– Это ты специально сделал, потому что твой мотоцикл оказался у меня!

– Да что я сделал, чёрт возьми?! Мне действительно жаль мотоцикл, но что это доказывает?

– Если бы я только мог, я бы сейчас же отказался от предложения твоего отца, но я не могу вернуть его ему!

Чернокнижник не выдержал, схватил Везунчика за грудки и встрахнул.

– Ты можешь толком объяснить, что случилось?! – крикнул он Везунчику прямо в ухо.

Тот вдруг затих, отшатнулся от своего товарища, и с удивлением и страхом посмотрел на него.

– А действительно, как ты мог это узнать?

– Господи, да что?!

– Например, про цепь. Ведь всё это произошло за доли секунды. Как ты мог узнать, что время растянулось для меня?

Вероятно, от такого сильного эмоционального натиска память мало-помалу стала возвращаться к Чернокнижнику.

Он подошёл вплотную к испуганному тёзке и пощупал пальцами его чёлку.

— Это ведь он тебя лизнул, когда ты пролетал над валуном? Везунчик, как ошпаренный, отшатнулся от Пети.

— Значит, это не враньё, что про тебя рассказывают?

— А что про меня рассказывают?

— Про то, что ты чернокнижник.

Этот вопрос остался без ответа.

— Ты хоть знаешь, чем ты владеешь?! Это же золотое дно!

— Пока что кроме неприятностей это дно мне ничего не даёт.

— Научи меня, клянусь, я сделаю для тебя всё, что захочешь!

Везунчик умоляюще смотрел на своего нового товарища.

— Я не знаю, как это делается. Я просто это придумываю.

— Как же ты не знаешь, ведь ты это делаешь?

— Не знаю, вот и всё.

— Понимаю, не хочешь говорить. На твоём месте я бы тоже никому не сказал, но я для тебя не буду конкурентом. Я после школы пойду учиться по литературе, а ты, как мне сказал твой отец, свой выбор остановил на технике.

— Это мой отец на политехническом остановил выбор, а я просто не знаю.

Везунчик осмотрелся по сторонам, подошёл вплотную к Чернокнижнику и начал шептать ему в ухо:

— Мы с тобой такие дела будем делать! Мы уедем в Аме-

рику, станем миллионерами.

Чернокнижник отшатнулся от тѣзки.

– Да не нужна мне твоя Америка! И вообще, что ты ко мне пристал? Сказал же, что я сам не знаю, значит, не знаю.

Везунчик медленно опустился на колени.

– Христом богом заклинаю тебя – продай свой секрет.

Петя попятился от своего знакомого. Отойдя от него метра на два, он покрутил пальцем у виска.

– Пожалуй, мы с отцом найдѐм себе другого репетитора.

– Нет! – выкрикнул Везунчик истошным голосом. – Только не это! Я всё сделаю для тебя. Ты поступишь в свой политехнический. Я научу тебя так писать, что все ахнут! Ты не думай, это не сложно. Просто есть определённый способ писать эти школьные сочинения. Я открою тебе свой секрет, и считай, что пятёрка у тебя в кармане.

– Мне, собственно, и тройки хватит.

– Это уж твоѐ дело: хочешь, на тройку пиши, хочешь, на пятёрку. С моим секретом можно как угодно.

Везунчик хитро посмотрел на своего товарища и спросил:

– А может быть махнѐмся: ты мне свой секрет, а я тебе свой?

Чернокнижник хотел было возмутиться, но товарищ опередил его.

– Всѐ, всѐ, больше не буду. Это я пошутил.

В этот день мальчишки не занимались. Сославшись на пло-

хое самочувствие после вчерашнего приключения, Везунчик взял тайм-аут и пошёл домой отдыхать. Второй Петя тоже не возражал.

Правда, до дома Везунчик так и не дошёл. Ноги странным образом привели его к политехническому институту. Здесь после школьных занятий начинали работать подготовительные курсы, и многие школьники, которые уже выбрали этот ВУЗ для поступления, после занятий шли сюда, даже не заходя домой.

Если кто-то подумал, что Везунчик решил после школы учиться на инженера, то он сильно ошибся. Мы уже знаем, что он решил посвятить себя литературе. Однако здесь, у Политехнического, так же, как и у тех, кто занимался на подготовительных курсах, решалась дальнейшая его судьба.

Глава 4

Закончив свои занятия на подготовительных курсах, абитуриенты выбежали на улицу, остановились и начали прощаться.

Неожиданно всё небо заволокло тучами, и город, как по мановению волшебной палочки, погрузился во мрак. Ветерок, который слегка покачивал верхушки деревьев, вдруг затих, и к крошечной тьме добавилась ещё пугающая тишина. Всё произошло так стремительно, что в городе даже не успели зажечь фонари. Только вход перед институтом освещался небольшой лампочкой. Но горела она не потому, что её успели включить, а потому, что по халатности никто никогда не выключал её. Лампочка в крошечной тьме образовала маленький освещённый островок, в центре которого стояла группа абитуриентов. Однако ни внезапная темнота, ни пугающая тишина не смогли даже немного напугать молодых людей. И это вполне понятно: в их возрасте любые внешние раздражители вызывают только одну реакцию – смех и улыбки. Везунчик стоял за пределами этого освещённого островка и наблюдал за происходящим очень серьёзно, без всяких улыбок.

Видимо, обидевшись на то, что все потуги природы были проигнорированы, погода обрушила на головы весёлых абитуриентов проливной дождь. Но и здесь молодые люди

не дали застать себя врасплох. Людская толпа моментально распахнула над собой зонтики и стала походить на семейку опят, растущую на полянке, с той лишь разницей, что у опят шляпки одинаковые, а в нашем случае они были разноцветными.

Большая людская масса начала растекаться по маленьким ручейкам и постепенно растворяться в темноте. Через несколько минут под козырьком институтской двери в свете лампочки оставалась стоять одна девичья фигурка. У неё не было зонтика, и она, съёжившись, прижалась к стене и с грустью смотрела на лужи, по которым плыли и лопались пузыри.

Из крошечной темноты вышла фигура парня и направилась к девушке.

– Вы единственная, кто не предвидел дождя, – сказал молодой человек.

– Ой! – Девушка вздрогнула. – А я думала, что осталась одна.

– К счастью, нет. – Везунчик раскрыл зонтик и встал рядом с девушкой.

Далее всё происходило по стандартному сценарию: два силуэта постояли немного и, укрывшись зонтом, ушли. На освещённом островке больше никого не оставалось. Видимо, поняв свою полную ненужность, лампочка вдруг ярко вспыхнула, и погасла, – островок пропал. Однако на улицах уже стали загораться фонари. Метрах в двухстах от инсти-

тута можно было увидеть молодую парочку, которая пряталась под одним зонтиком. Молодые люди спорили о чём-то и громко смеялись. Вдруг парочка остановилась. Смех затих. Девушка выскочила из под зонтика и пошла под проливным дождём. Она повернулась к парню, с которым всего несколько секунд назад звонко смеялась и бросила в его сторону:

– Подонок!

– А ты – дура! – ответил ей молодой человек и быстро зашагал по улице.

Девушка добежала до остановки автобуса и запрыгнула в открытую дверь машины. На улице больше никого не было.

Методика, по которой Везунчик занимался с Чернокнижником, резко отличалась от той, которая применялась в школе. На первом же занятии Везунчик дал своему ученику небольшую книжку и, улыбаясь, сказал:

– Запомни, самое главное – это не изобретать велосипед. Его давно уже изобрели другие. Если ты научишься пользоваться плодами цивилизации, то сможешь занять своё место на самой её вершине.

– Что это? – спросил Чернокнижник.

– Белинский – избранные статьи.

– И зачем он нужен?

– Дело в том, что его статьи как раз и есть великолепные сочинения. Я же говорил тебе, что не надо изобретать велосипед, лучше научиться на нём ездить. Как видишь, книжеч-

ка небольшая, а в ней отлично раскрыты такие авторы, как Гоголь, Лермонтов и Пушкин. Прочитай её несколько раз, и ты процентов на тридцать будешь подготовлен к вступительному сочинению.

– А остальные семьдесят?

– Есть другие критики.

– А грамматика?

– Научись сначала раскрывать тему, а грамматике я тебя научу. Главное – это строить предложения как можно короче, чтобы из знаков препинания была только точка. А слова используй только те, в которых у тебя нет никакого сомнения.

Петя взял книжку, посмотрел на неё, а потом на своего репетитора.

– Значит, в этом и заключается твой секрет?

– Какой секрет?

– Ты мне говорил, что у тебя есть секрет.

– Ах, ты про это? В общем-то, да. Секрет заключается в том, что вместо сочинения ты напишешь изложение.

– Другими словами, ты хочешь, чтобы я мысли великих критиков выдавал за свои?

– А что в этом такого? Ты же пользуешься открытиями Ньютона?

– Я пользуюсь явлениями природы, а открытия Ньютона принадлежат только ему и никому другому.

– Короче, не будем сейчас открывать дискуссию по этому

поводу. Ты собираешься поступать в свой политех?

Чернокнижник молча кивнул головой.

– Значит, договорились, – радостно потёр руки Везунчик. – Неделя тебе на изучения книжки и два дня на сочинение. Следовательно, встречаемся мы ровно через девять дней на том же месте и в тоже время.

– А какое сочинение писать? – спросил Чернокнижник.

– Ну, напиши, к примеру, образ Ленского из Евгения Онегина.

На этом первое занятие закончилось.

Везунчик ещё несколько раз ходил к политехническому институту, после чего эти походы прекратились.

Я не открою Америки, если скажу, что окончание школы и поступление в институт совпадает с так называемым гиперсексуальным возрастом. Это незабываемое время остаётся в памяти каждого человека на всю его жизнь. Это время, когда человек, живя здесь, на Земле, на самом деле находится далеко за её пределами, там, где не правит логика, где не работают законы физики и математики. Он попадает в царство самого Господа Бога, где всё подчинено только одному закону, где смысл заключается только в одном слове. И это слово – любовь. В том царстве нет такой силы, которая могла бы не только победить, но даже прикоснуться к этому светлому чувству.

В том царстве человек становится человеком, там он понимает, чем отличается от животных. Там от самого создателя он получает любовь, которая всю жизнь освещает дорогу, и распространяется не только на избранника или избранницу, но и пропитывает абсолютно всё, что окружает человека. Там человек понимает, что, если он сохранит этот божественный дар до своей могилы, то становится бессмертным, ибо ему есть для чего жить здесь, на Земле, и есть с чем идти дальше, после смерти.

Однако мы что-то очень сильно увлеклись лирикой, забыв, что гармония подразумевает разумное сочетание последней с её вечной оппоненткой – физикой.

А физика, не вдаваясь в переживания и страсти, а рассуждая на основании одной только логики, заключает, что, если теорема, только что приведённая лириками, верна, то обязательно должно существовать и обратное утверждение: если любовь является отличительным признаком человека от животного, то отсутствие любви говорит, что данный живой организм можно безошибочно причислить к классу животных. Исключение составляют собаки, лошади и дельфины.

Везунчик в свободное от занятий время пропадал у своей новой знакомой. Благо, что она жила одна, без родителей. Те, оставив свою дочь одну, уехали в другой город к своим внезапно заболевшим родителям.

– Ещё хочешь? – звучит нежный девичий голосок.

Везунчик поворачивает голову на коленях молодой нимфы и кивает головой. Бархатная ручка отрывает виноградную ягоду и кладёт в рот Везунчика. Рука молодого человека хочет приподнять тело, но, как бы случайно, оказывается под юбкой. Рука замирает, но назад не возвращается. Молодой человек ждёт, какова будет реакция. Однако реакции никакой нет, и рука снова продолжает свой путь.

– Так слаще? – спрашивает нимфа.

– Ещё бы!

– Давай выпьем вина, – предлагает девушка, – ещё слаще будет.

Рука вынуждена покинуть только что завоёванные позиции. Молодой человек с недовольным выражением лица поднимается с девичьих колен, подходит к журнальному столику и наливает два фужера вина. Он галантно подаёт фужер подруге и сам выпивает всё без остатка.

– Ну как, кровь заиграла? – спрашивает она кавалера.

Вместо ответа раздаётся то ли стон, то ли рычание. Девушка кладёт свою ладонь на ремень кавалера и спускается ниже.

– Ого! Я же говорила, что будет слаще!

И опять в ответ то ли рычание, то ли мычание.

– Хорошо, не мучай ни себя, ни меня.

Дважды повторять не пришлось. С молодого человека словно сорвали оковы: через одно мгновение и он и его нимфа лежали на диване обнажённые. Ещё через несколько ми-

нут молодые люди лежали неподвижно, с выражением полного блаженства.

– У тебя это в первый раз? – спросил молодой человек.

– Нет.

– А у меня первый.

– Сейчас отдохнёшь немного, повторишь, и будет второй, – пошутила девушка.

– А кто был первый?

– Какая разница, тебе же было хорошо?

– Просто нет слов. А всё-таки, что ты чувствовала, когда это было в первый раз?

– Кроме того, что чувствовала сейчас, ещё чувствовала боль. Ты знаешь, я не принадлежу к тем женщинам, которые кичатся своим целомудрием.

– А как же любовь?

– Это просто красивая сказочка для маленьких девочек. На самом деле всё проще: есть инстинкт размножения, вот и всё.

– Ты хочешь сказать, что человек так же, как и животное, руководствуется только инстинктом?

– А разве это не так?

Молодой человек приподнялся и облокотился на одну руку, второй рукой он гладил свою подругу, особенно те места, которые никогда трогать не доводилось.

– Какая смешная родинка, – сказал он, поглаживая животик гораздо ниже пупка. – Похожа на маленькую бабочку.

– Жу-жу, – сказала нимфа.

– Что жу-жу?

– Эту бабочку зовут Жу-жу.

Девушка тоже погладила своего кавалера.

– Ну, вот ты и отдохнул, – сказала она. – Пора снова заниматься делом.

Везунчик лежал на диване полностью изнеможенный. Ему казалось, что он только что не предавался блаженству, а таскал мешки с песком, причём, мешки эти были гораздо тяжелее его самого.

– Сейчас приведу тебя в чувство, – сказала нимфа.

Девушка встала с дивана и пошла на кухню готовить кофе. Через несколько минут она принесла своему кавалеру маленькую чашечку и рюмочку с коньяком. Она села на диван и положила голову молодого человека на свои обнажённые ноги. Однако на этот раз руки Везунчика даже не пытались шевельнуться. Это означало, что девушка получила от молодого человека всё без остатка. Нимфа переложила голову на подушку, встала с дивана и надела халат.

– На третье у нас кофе с коньяком, – улыбнулась она.

Молодому человеку ничего не оставалось делать, как последовать примеру своей подружки. Через пару минут они сидели за столом, прилично одетые, и пили кофе с коньяком.

– А зачем ты хочешь поступать в политехнический? – спросил Везунчик.

– А куда же мне поступать?

– Девушки обычно не любят точных наук.

– Девушки любят красивые наряды и много денег, – засмеялась нимфа.

– Значит, ты хочешь стать знаменитым конструктором и зарабатывать много денег?

– Ещё чего!

– Тогда объясни.

– Ну не в литературном же мне жениха искать?

– Ты считаешь, что гуманитарии все нищие?

– А разве не так?

– Мне кажется, что известные писатели живут совсем не безбедно.

– Не все же становятся писателями?

– Но и знаменитыми конструкторами становятся не все.

Молодые люди засмеялись и выпили по рюмке коньяка.

– Ой, как мне в голову ударило! – пожаловался Везунчик.

– Лучше бы тебе в другое место ударило!

– Неужели ты ещё хочешь?

– Хорошего всегда не хватает.

– Тогда я...

– Да ладно, не надо стараться делать больше, чем ты можешь.

Везунчик снова заполнил рюмки коньяком.

– А ты решил в литературный поступать? – спросила девушка.

– Я буду очень известным и популярным писателем, – гор-

до сказал молодой человек.

– К сожалению, для этого нашего «хочу» не достаточно.

– У меня есть секрет, – полушёпотом сказал молодой человек.

– Может быть, мне надо подавать документы в литературный?

– Вот этого делать как раз и не надо.

– Не поняла.

Молодой человек поднял рюмки, приглашая подружку последовать его примеру. После этого он подвинулся к девушке и почему-то стал шептать ей что-то на ухо. Выслушав проникновенную речь своего кавалера, теперь уже девушка взяла бутылку и наполнила рюмки коньяком.

– Давай за успех нашего дела, – провозгласила она тост.

Настроение у молодых людей поднялось, и они допили коньяк без всяких тостов.

Прощаясь со своей знакомой, Везунчик попытался поцеловать её.

– Не надо. Побереги это до следующего раза.

Петя вышел из квартиры и стал спускаться по лестнице.

– А зачем ты за Наташкой ухлёстывал? – услышал он сзади себя голос девушки.

– Какой Наташкой?

– Которой ты зонтик предложил. Я видела, как вы вместе уходили.

– Наше знакомство закончилось тем, что она назвала меня подонком, а я её – душой, и всё из-за того, что я предложил ей то же самое, что и тебе.

– Она дура и есть. Мы её монашкой зовём.

Глава 5

Пуля – дура! Кто же это придумал? Кто бы ни придумал, но это изречение так же далеко от истины, как и то, что штык – молодец.

Действительно, не пуля же решает, кого казнить, а кого миловать. Не пуля с радостью несётся к цели, чтобы поразить её. Напротив, она никуда не хочет идти, и пороховые газы выталкивают пулю из ствола против её воли. Весь вопрос в том, чья воля была, чтобы убить. Каждый, естественно, скажет, что это воля человека. Однако это утверждение также далеко от истины, как и первое.

Если есть мотив преступления, тут всё понятно, если человек защищает себя, Родину или своих близких, то здесь вопросов тоже нет, а если по-другому? Если человек заставляет оружие, будь то пуля, будь то штык или топор, совершить убийство без мотива? Тогда как? Взять хоть «Преступление и наказание». Известно, что Достоевский брал основу для своего знаменитого романа из реального уголовного дела. В действительности был не Раскольников, а какой-то другой студент, не Порфирий Петрович, а иной следователь. В принципе, какая разница, что за фамилии у них были. Главное, что это были реальные люди, и совершили они реальные поступки. Какой мотив был у Раскольникова? Да никакого. За что он убил бедную старушку? Да ни за что. Разве только

за то, чтобы проверить себя: а смогу ли я это сделать? Есть много способов пощекотать себе нервы и без убийства. Для чего же тогда, скажите на милость, он убил её? Ответ напрашивается сам собой. В данном случае так же, как и с пулей, присутствовал тот, кто имел вполне конкретный мотив. Раскольников так же, как и пуля, не только не желал этой смерти, но, вполне вероятно, что и сопротивлялся своему поступку, однако ничего не мог поделать, так как его желание было полностью игнорировано тем, кто имел мотив и намерение. Так как в романе иных людей не показано, то остается только одно – жизнь у старухи забрал тот, кто ей её и дал, то есть, Господь Бог. Что же касается Раскольникова, то он был лишь инструментом судьбы, высшей власти, таким же тупым исполнителем, каким является и пуля, управляемая человеком.

А если это так, то в чём же здесь преступление? А если это так, то зачем же здесь наказание?

Что из того, если мужчина посмотрит на женщину? А если обратит внимание? Собственно, женщины для этого и носят украшения, чтобы на них обращали внимание. Но если обращать внимание, но не оказывать знаков внимания, то как женщина будет знать, что на неё обратили внимание? Однако чрезмерное оказание внимания может обернуться трагедией. Речь идёт о ревности. Владимиру не понравилось, что его друг, Евгений, оказывает внимание Ольге. Я бы на месте Владимира обрадовался. Смотрите, мол, какая у меня неве-

ста! Что же делает Владимир? Он оскорбляет своего друга и бросает в его лицо перчатку.

Рассмотрим же эту историю, опираясь на только что представленную теорию.

Согласно заведённой традиции (кстати, никто не знает, кто завёл её и когда?) человек, которому бросили перчатку, просто обязан её поднять и принять вызов, что, собственно, Евгений и сделал. Вот тут как раз пуля и должна исполнить волю человека. Нам предстоит разобраться, а действительно ли человек осуществлял эту волю. Владимир перед дуэлью жалеет, что вызвал своего друга, но поделать ничего не может, ибо боится превратного мнения общества. Евгений также жалеет о случившемся. «Я слишком пошутил небрежно», – говорит он. В чем же дело, почему дуэль произошла? Ведь, даже при таких строгих правилах того времени, существовала процедура примирения. Однако и один, и другой молодой человек отказываются от своего шанса. А если это так, если нет мотива, если люди действуют против своего желания, следовательно, ими руководит кто-то другой, следовательно, они только орудия в руках проведения.

Дуэлянты берут в руки пистолеты и идут каждый к своему барьеру. Первым должен стрелять Евгений, так как не он вызывал на дуэль, а его вызвали.

– Сходитесь!

После этих слов разум перестаёт работать. Ноги дрожат, каждый понимает, что сейчас свершится величайшая траге-

дия, что они – главные действующие лица этой трагедии, – не желают этого. Однако ни руки ни ноги не слушаются их. Они, как зомби, выполняют роль режиссёра, которого никто никогда не видел.

Пальцы Евгения давят на спусковой крючок, и пуля, сопротивляясь всем своим существом, выталкивается пороховыми газами и летит в ту сторону, куда её направили.

Владимир уже смирился со своей участью и стоит в ожидании того, что пуля ударит ему в грудь и пробьёт сердце.

Однако, разве человек способен разгадать планы всевышнего?

Пуля, пролетая мимо виска, обдаёт лицо смертельным ветром и падает где-то в лесу.

Владимир против своей воли направляет пистолет в сторону противника. Его выстрел – это чистая формальность, ибо стрелок, находясь в том состоянии, в котором находится наш герой, не способен попасть даже в дом, даже при том, что стрелял бы в упор. Лицо Владимира бледное, как полотно, глаза закрыты, а руки трясутся, как в лихорадке. Выстрел, и пистолет падает из рук.

– Наповал! – слышит Владимир голос секунданта и сам падает в обморок.

Кому была нужна смерть Евгения? А кому нужна была его жизнь? Вот это – самый главный вопрос. Ведь Онегин никого не любил, а следовательно, не был человеком в полном понимании этого слова. Зачем же его убивать, ведь и звери жи-

вут на нашей земле? Но звери живут в своём мире, и никогда не лезут в мир человеческий. Однако, если зверь по какой-то причине забирается к нам, то его изгоняют или убивают.

А кто был Ленский? Нужна ли людям его жизнь? Глупый вопрос. Конечно, нужна! Ведь он был поэт, он любил не только Ольгу, но и весь мир. Но для чего же судьба использовала именно его в таком нелюбимом деле? Вспомним, о чём писал в своих стихах Владимир? О лютиках-цветочках. Ласковая лирика, ни к чему не призывающая и ничего не критикующая. Однако дар ему дан Богом. И, если Бог дал дар, то дал для чего-то. Ленскому не хватало сильной драматической встряски, и он её получил. После случившегося поэт как бы прозрел, он увидел мир совершенно в ином свете. Духовная травма, которую он получил после дуэли с другом, перенеслась на всё общество. Чувствуя свою вину, поэт стал обличать все пороки современного мира, рассматривая их через призму своего грехопадения. То есть, задача Создателя, наградившего Владимира поэтическим даром, была реализована.

Вот, собственно, и всё рассмотрение. Как мне кажется, вполне понятно и закономерно.

Везунчик долго глотал воздух и что-то хотел сказать. Он тряс головой, как будто хотел прийти в себя, как после нокаута. Через минут пять он всё-таки сумел взять себя в руки и вымолвил:

– Ты что написал?!

– То, что ты и просил, – ответил Чернокнижник.

– Если ты не читал критиков, то хоть бы поэму прочитал.

– А я читал и критиков и поэму.

– Так ведь, Онегин убивает Ленского, а у тебя наоборот.

– Ты же сам сказал, что надо брать пример с критиков.

Они критикуют, и я тоже.

– Что тоже?

– Я тоже не согласен с Пушкиным и критикую его. Этот Онегин – урод. Он – самый настоящий бездельник, ему ничего не надо, а самое главное – он ничего и никого не любит. Таким нет места на земле.

– Так Пушкин и критикует его! Более того, в лице Онегина он критикует всё общество. Разве ты этого не понял?

– Он не может его критиковать, потому что он сам его и придумал. Если он сам его придумал, то он должен его убить.

– Ну вот это не тебе решать! Наверное, великому писателю виднее, как отображать общество, в котором он жил.

– Гоголь тоже был великим писателем.

– А при чём тут Гоголь?

– У него всё логично. Таким подонкам, как Андрей, нет места на Земле, и поэтому он погибает. Более того, лишает его жизни именно тот, кто эту жизнь ему и дал. «Я тебя породил, я тебя и убью». Разве не так?

– Во-первых, мы отклонились от темы, а во-вторых, это не так.

– Почему?

– Потому что Андрей предал не потому, что был подонком, а потому, что он был в плену любви, а это чувство стоит выше любых междоусобиц.

– Это не любовь, а страсть, – не соглашался Чернокнижник. – Любовь – это чувство, которое объединяет в себе всё: и любовь к женщине, и любовь к отцу, и, в конечном итоге, любовь ко всему миру.

– Брэк, брэк, брэк! Мы сейчас заберёмся в такие дебри, из которых никогда не выберемся. Ты, случайно, не забыл, зачем пишутся сочинения?

Чернокнижник удивлённо посмотрел на своего собеседника.

– У нас задача не такая возвышенная, как у Пушкина или Гоголя. Мы просто хотим поступить в институт. Более того, ты хочешь поступить в технический ВУЗ, где литература вообще никому не нужна.

Чернокнижник понял, что был неправ, и виновато опустил голову.

– Ты знаешь, я сам не понимаю, почему меня вдруг понесло, – сказал он.

– Вот и прекрасно! Слава богу, ты вспомнил, что изобретать велосипеда больше не надо. К следующему разу напиши мне про Наташу Ростову.

– Ой, давай про неё не будем.

– Почему?

- А зачем она за Пьера замуж вышла?
- Ну хорошо, давай про Анну Каренину.
- Вот только этого не надо!
- А эта чем тебе не угодила?
- О какой любви может идти речь, если мать предаёт своего собственного сына?
- Какого сына?! – взмолился Везунчик.
- Серёжу. Какого же ещё?
- Неужели ты не понимаешь, что персонально для тебя никто тем подбирать не будет?
- Разве там будет только одна тема?
- Да, ты прав. Тема там не одна. Там будет ряд обязательных произведений, и всегда, так называемая, свободная тема.
- О! Это как раз для меня, – воскликнул Чернокнижник.
- Только хочу тебя предостеречь. Свободная тема не такая уж и свободная. Если ты вдруг вздумаешь в этой теме расписывать свои взгляды на жизнь, то с институтом можешь попрощаться.
- Не понял. Тема-то свободная.
- В этом и заключается мой маленький секрет, – улыбнулся Везунчик.
- Чернокнижник весь превратился в слух.
- Запомни, – начал свой рассказ Везунчик, – литература во все времена обслуживала правящий класс.
- Как? А Лев Толстой?

– Лев Толстой только попробовал отойти от этого правила, как был тут же предан анафеме.

– Я, кажется, начинаю понимать, – прошептал Черно-книжник.

– Слава богу! Тогда ты не только поймёшь, но и оценишь моё открытие.

– Какое?

– Если ты хотя бы поверхностно изучишь материалы партийных съездов и применишь их к произведениям, которые выходили в свет в период соответствующего съезда, то на пятёрку можешь рассчитывать. А теперь самое главное: если ты умудришься это произведение каким-то образом пристегнуть к последнему съезду, то на твою грамматику никто вообще не станет обращать внимания. Подумай сам, кто посмеет поставить «неуд» человеку, который рассматривает абсолютно всё в свете решений партии и правительства?

Чернокнижник выразительно почесал затылок.

– Тебе всё ясно? – спросил Везунчик.

– Всё.

– В таком случае, потрудись раскрыть образ Павки Корчагина.

На этом занятия закончились.

Гуляя со своей подружкой, Везунчик каким-то образом оказался у гаражей. В памяти тут же восстановилась картина полёта на мотоцикле. Молодой человек сразу стал де-

литься своими впечатлениями с девушкой. Его рассказ, видимо, был таким ярким и таким захватывающим, что девушка остановилась.

– Боже мой, ты только рассказываешь, а у меня уже сердце замирает! Представляю, какие чувства испытывал ты, когда мчался на нём!

– Тебе тоже захотелось? – хвастливо спросил Везунчик.

– О, нет! Я для этого не рождена.

Девушка замолчала и вдруг вопросительно посмотрела на своего кавалера.

– Обожди, – сказала она, – так это чей был мотоцикл?

– Мой.

– Твой собственный?

– Ну, если мой, то, разумеется, собственный.

– Тебе его родители купили?

– При чём тут предки? Я и сам могу зарабатывать.

– Ты хочешь сказать, что способен заработать на настоящий мотоцикл?

– А ты думала, что только конструкторы могут получать большие деньги?

– Вот это да! А ты покажешь мне его?

– Кого?

– Мотоцикл. Кого же ещё?

– Понимаешь, он после такого полёта в несколько разобранном состоянии.

– Это вполне естественно.

– Давай я его отремонтирую, и тогда...

– Тогда будет уже не интересно. Хочется посмотреть как раз в том виде, в котором он оказался после полёта.

Петя несколько замялся.

– Ты, что, не хочешь мне показывать? Или он у тебя где-то далеко? А может быть, его вообще не существует?

– Ну почему же не существует? И совсем даже не далеко.

Петя вытащил из кармана ключ и подошёл к воротам гаража.

– Так у тебя и гараж есть?!

Кавалер открыл ворота и распахнул их перед девушкой.

Она подошла к искорёженным деталям мотоцикла и с интересом стала их разглядывать.

– Как же ты уцелел? – спросила она, глядя на грудку металла.

На этот вопрос Петя скромно промолчал. Однако его лицо просияло от гордости. Молодой человек не мог скрыть своего восторга от того, что произвёл впечатление на девушку.

Петина спутница, тем временем, перевела свой взгляд от груды грязного металла на автомобиль.

– Это тоже твоё? – спросила она с восторгом.

– К сожалению, нет.

Сияющее лицо девушки тут же померкло.

– Пока нет, – вырвалось у Пети.

– Что значит, пока?

– Значит, что скоро эта машина будет моя.

– А если точнее.

– Точнее, одного придурка подготовлю для поступления в ваш политех, и...

– Петечка, покатай меня, – прервала его девушка.

– Не могу.

– Всего один кружочек: вокруг гаражей, и назад. Нас даже никто не увидит.

– Да пойми ты, для тебя это десять минут удовольствия, а у меня весь план может сорваться.

– Когда тебе от меня надо было десять минут удовольствия, ты их получил.

– Я твои планы не рушил. К тому же, ты сама мне сказала, что у тебя нет предрассудков.

– Как сказать. А вдруг я забеременею, что тогда?

– Этого только не хватало!

– А ты говоришь про какие-то свои планы... Как видишь, они у тебя могут измениться и по другим причинам.

– Ну честное слово, я не могу сейчас! Ты же понимаешь, что этой машиной буду пользоваться не только я, но и ты.

– Все вы мужики такие. Наобещаете с три короба, возмёте, что вам надо, а потом – поминай, как звали.

– Это не про меня. У нас с тобой не только любовные отношения, но и деловые.

– В таком случае, давай заниматься делом, а любовь оставим на потом.

Такого молодой человек от своей подружки не ожидал.

Его строгий взгляд стал смягчаться и превратился во взгляд мартовского кота, смотрящего на сметану.

– А как же Жу-жу? Неужели ты мне не дашь погладить её? Это слишком жестоко.

Петя прижал к себе девушку и стал пытаться просунуть руку, чтобы погладить Жу-жу.

Девушка сначала посопротивлялась, или сделала только вид, что сопротивляется, а потом сама обняла кавалера и приступила к своему чародейству, против которого молодые люди (тем более, в том возрасте) устоять не могут.

– Хорошо, если нельзя покататься, то займёмся этим в машине.

– Почему в машине?

– Мне кажется, что это так эротично!

– А вот это можно без всяких ограничений.

Дверцы автомобиля открылись, и молодая парочка упала на заднее сидение.

– Здесь неудобно, – ворчал молодой человек.

– Зато как романтично! – не соглашалась его подруга.

Не только парочка, но и сам автомобиль принимал участие в том процессе, которым занимались молодые. Покачиваясь на амортизаторах и немного поскрипывая в такт, он придавал их деянию неповторимый шарм.

– Это просто сказка какая-то! – восторгалась девушка.

– Да, в этом что-то есть, – решил поддержать её Везунчик.

– Надо девчонкам рассказать. Пусть попробуют.

– Только не в этом гараже, – испугался Везунчик.

Девушка звонко засмеялась.

– Вот парня со своим гаражом и со своим автомобилем они пусть сами ищут.

– Но это не мой автомобиль.

– Не наш, – поправила девушка.

– Да, не наш, – согласился парень. – И гараж не наш.

– Но ведь это только пока. Ты же сам говорил...

– Насчёт гаража я ничего не говорил.

– Ты сам подумай, если автомобиля не будет, зачем ему гараж?

– А действительно, зачем?

Молодые люди рассмеялись.

– Слушай, а что, у вас девчонки уже все с парнями жили?

– Почти все. Есть несколько монашек, но это скорее исключение из правила. Сейчас считается, что, если девушка сохраняет девственность, то она либо уродина, на которую никто не смотрит, либо больная.

– А те, которые исключения?

– Те ждут своих принцев. Они застряли в прошлом веке и забыли, что сейчас совершенно другое время. Нет ни принцев, ни принцесс.

* * *

«Самое дорогое у человека – это жизнь. Она дается один

раз, и прожить её нужно так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жег позор за подлое, мелочное прошлое, и чтобы умирая, мог сказать: вся жизнь и все силы отданы самому прекрасному – борьбе за освобождение человечества».

Дальше можно не продолжать, ибо в этой цитате содержится целый мир, целая философия, религия и атеизм, жизнь и смерть. Но начнём по порядку.

В те времена, когда Островский писал свои незабываемые строки, учение Дарвина считалось аксиомой, и не подвергалось сомнению, по крайней мере, правящим классом нашей страны. Однако по учению апостолов марксизма-ленинизма существует теория единства и борьбы противоположностей. А это говорит о том, что те постулаты, которые были верны вчера, сегодня уступают место своим противоположностям, то есть, утверждение о том, что человек появился на свет в результате эволюционного развития обезьяны, уступает место другой теории или гипотезе. Действительно, если обезьяна эволюционировала в человека, то сегодня этого вида просто бы не было. Однако обезьяны существуют сегодня, и прекрасно себя чувствуют. То же самое можно сказать и о рептилиях разного рода. Они ведут отсчёт своего рода от доисторического периода, и тоже не собираются эволюционировать в какой-то другой вид. Однако, если пойти дальше и рассмотреть вопрос о возникновении жизни на земле, то вопросов возникнет больше, чем ответов. В результате

обыкновенной случайности (ветра, например) химические элементы смешались и превратились в нуклеиновую кислоту, которая и дала начало органическому развитию. Эта теория так же, как и теория Дарвина, не выдерживает никакой критики. Выходит так, что жизнь на земле просто ветром надуло. Попробуйте выйти на улицу и подуть. Никто не требует, чтобы в результате этого получился такой сложный организм, как человек или обезьяна. Давайте попробуем надуть что-нибудь попроще – телевизор, например. Нет, телевизор – это тоже сложновато, давайте получим лампочку Эдисона. Не получается? Хорошо, ещё снизим планку, пусть у нас выйдет обыкновенная спичка. Как, опять ничего не выходит? Тогда дуйте до тех пор, пока не выйдет хотя бы что-то. Вы смеётесь? И правильно делаете, потому что даже ребёнок знает, что ничего не получится.

Теперь перейдём к такому вопросу, как сотворение вселенной. Учёные считают, что вселенная была создана в результате большого взрыва. Религиозные деятели считают, что вселенную сотворил Бог. Прямо противоположенные объяснения одного и того же вопроса, только на первый взгляд противоположенные. Внимательное рассмотрение этих гипотез развернёт перед вами поразительное открытие: и те и другие исходят из одних и тех же позиций. Священники говорят: «Вначале не было ничего, и летал дух святой». (Следовательно, говорить, что ничего не было, нельзя – дух-то святой был.) Учёные говорят практически то

же самое: «Вначале не было ничего, но в результате большого взрыва образовалась материя». Я извиняюсь, конечно, но произвольно напрашивается вопрос: а кто взрывчатку носил? (Это шутка, конечно, но если был взрыв, значит, что-то взорвалось). Так же, как и в первом случае, когда ничего не было, что-то или кто-то всё-таки был. Выбирая между двумя гипотезами, предпочтение всё-таки следует отдать священникам. У них хотя бы всё логичнее.

Однако, если мы принимаем доводы священников, то придётся согласиться и с тем, что смерти, как таковой, не существует вовсе. Есть переход из одного состояния в другое. Такой же, наверное, как переход ученика из класса меньшего в больший. Но, не будем принимать ничего на веру. Попробуем доказать то, что не доказывают священники, а принимают безапелляционно. В течение всей жизни человек теряет части своего тела: он стрижёт волосы и выкидывает их. То же происходит и с ногтями. Кожа человека меняется не один раз. Внутренние органы, так же, всё время обновляются. Что же такое тогда человек? Какая его часть или совокупность частей может называться этим именем? Неужели, подстригая ногти, или делая причёску в парикмахерской, мы немножечко умираем? Ведь вместо утраченных частей тела появляются новые, стало быть, и человек стал уже не тот, что был, а немножечко новый. Нет, мы уверенно говорим, что части тела не имеют никакого отношения к словам «человек» и «личность». Память, вот что не поддаётся никаким

изменениям. Позвольте, разве вы помните себя в годовалом возрасте? А в двухлетнем? А в трёхлетнем? Нет, память не подходит. Остаётся душа. Субстанция, которую никто не видел, никто не слышал, и никто толком не может определить, что это такое, как раз и является нашей личностью, именно она может с гордостью называться человеком.

Отсюда вывод: если душа и есть личность, и если её никто никогда не видел мёртвой, то утверждение, что смерти нет, является истиной. А коль нет смерти, то нет и рождения, есть многочисленные переходы из одного состояния в другое.

Итак, товарищ Корчагин, жизнь человеку не даётся один раз, здесь вы ошиблись.

Попробуем разобраться теперь с бесцельно прожитыми годами.

Неужели этот неграмотный паренёк знает истину? Неужели он посвящён в планы самого создателя? Неужели планы создателя такие простые – борьба за освобождение человечества? Освобождение от кого? От создателя что ли? Ведь мы только что доказали, что человек (то есть душа) приходит сюда, на землю, временно, следовательно, для этого визита существует какая-то цель. Какая? Кто это может знать? Разве ученик знает, что будут проходить в следующем классе? Разве ему ведомо, что те науки, которые он проходил в шестом классе, станут основой для следующих, более сложных наук? Ему не известно это. (Кроме Павки Корчагина, конечно.) Однако, как же человеку выполнять то предназначение,

которое он должен исполнить? Попробуйте заставить скульптора изваять фигуру, не дав ему для этого глины и инструмента. Попробуйте заставить живописца воплотить свой гениальный шедевр без холста и красок. Ответ на поставленный вопрос следует искать в инструментах, которыми создатель обеспечил личность, отправляя её на Землю. Во-первых, каждый человек понимает, что ногти стричь до бесконечности нельзя. Настанет момент, когда телу не поможет даже капитальный ремонт, его просто надо будет заменить на новое. Поэтому оставление после себя потомства является обязанностью каждого человека, ибо душа для решения своей задачи нуждается в оболочке. Нормальный человек изготавливает эту оболочку где-то к двадцати годам, тогда как сам ещё находится в своём теле лет до 70–80. Отсюда вывод, что оставление после себя потомства – это только часть задачи, поставленной перед ним. Из всех инструментов, полученных от создателя, только любовь не является качеством, необходимым для существования тела, следовательно, она, будучи отделена от тела, продолжает жить после так называемой смерти.

Вернёмся же к Павлу Корчагину. Первую обязанность – продолжение потомства, он не выполнил. Это понятно, ведь ему было некогда – он освобождал человечество. Правда, от чего он освобождал, сдаётся, и сам плохо знал. Вторая, и главная задача, тоже была не выполнена. О какой любви может идти речь, если для освобождения человечества он это

человечество готов был убить. И не только был готов, но и убивал.

Закончить разбирательство на эту тему можно следующими словами: где-то далеко, а может быть, и рядом с нами, существует личность Павки Корчагина, которой до сих пор должно быть мучительно больно за бесцельно прожитые годы.

* * *

– Ты хоть понимаешь, что написал?! – кричал на Чернокнижника репетитор. – Что это за философские откровения?

– Я как-то начал писать, и потерял над собой контроль.

– Что значит, потерял контроль? Ты же думаешь, когда пишешь?

– Нет.

– То есть, как это, нет?

– Это происходит помимо моей воли, – стал объяснять Чернокнижник. – Это исходит откуда-то оттуда. – При этом он показал пальцем не на голову, а в область грудной клетки.

Везунчик с недоверием посмотрел на своего ученика и несколько смягчил тон.

– Хорошо, но ты же перечитывал это после того, как написал?

– Перечитывал.

– Неужели ты не увидел, что всё это никуда не годится?

– А мне понравилось.

– Но это же оголтелая религиозная пропаганда.

– Никакой пропаганды нет. Все свои доводы я пытаюсь доказывать. Я думаю, что это удалось.

– У нас с тобой задача поступить в институт, а не доказывать что-то.

– Я понимаю.

– Тогда почему...

– Но я же не могу врать?!

– Кто тебя просит врать? От тебя требуется написать то, что должен уметь написать любой советский человек. Как ты думаешь, Ленин верил в Бога?

– Ясное дело – нет.

– Так вот, когда он сдавал экзамены в университете, среди прочих был и закон божий.

– Ну и что?

– Если тебя послушать, так, выходит, что и он врал?

– За ним не заржавеет, – усмехнулся Чернокнижник.

– Господи! – взмолился Везунчик. – За что же мне такое наказание! Ты хоть представь, что может случиться, если вот это, – он показал на сочинение, – попадёт в компетентные органы? Тебе не поступление в институт, а срок корячится, а ты ещё про Ленина такое говоришь!

Чернокнижник, видимо, поняв свою вину умоляюще посмотрел на репетитора.

– Ну дай мне ещё тему, я постараюсь...

– Что ты постарайшься? Сколько можно тебе давать? Нет у нас больше времени, скоро вступительные экзамены сдавать надо. Что у тебя с математикой и физикой?

– Там, слава богу, всё в порядке.

– Значит, поступим так, – жёстко сказал Везунчик, – готовься сейчас к физике и математике, а я что-нибудь придумаю.

На свидание к своей знакомой Везунчик пришёл расстроенный.

– Что с тобой? – спросила она.

– По-моему, я слишком переоценил себя.

– Что ты имеешь в виду?

– Я не думал, что люди могут быть такими чокнутыми. Этот парень, которого я должен подготовить для поступления в институт, просто сумасшедший.

– Так плюнь на него.

– Я бы сделал это с удовольствием. А машина, а гараж?

– Да, этого упускать нельзя.

– Кроме всего прочего, разбит мотоцикл его отца. Если я откажусь, то мне придётся его отдать. А ты видела, что с ним стало?

– Да, ситуация, – посочувствовала девушка. – И что же ты намерен делать?

– Не знаю. Сочинение он не напишет – это сто процентов. А если напишет, неприятностей может быть ещё боль-

ше. Придётся занимать денег, ремонтировать мотоцикл и возвращать его.

– А как же наша машина?

– Какая наша?! Ты слишком рано раскатала на всё губу!

– Во-первых, не надо на меня кричать!

– Во-первых, извини, – сбавил свой пыл Везунчик, – а что во-вторых?

– Во-вторых, ты знаешь, почему людям иногда не найти выход из создавшейся ситуации?

– Почему? – Петя недоверчиво посмотрел на девушку.

– Потому что они начинают выдумывать очень сложные комбинации, а ведь всё гениальное просто.

– Ты хочешь сказать, что и из моего положения выход должен быть простой?

– Не из твоего, а из нашего, – поправила молодого человека девушка. – Ты уже забыл, что эта машина будет принадлежать не только тебе, но и мне.

– Я уже тебе сказал – ты слишком сильно раскатала свою губу.

Девушка вытянула свою руку для рукопожатия.

– Если я подскажу тебе выход, то половина машины и гаража моя. Идёт?

– Но это невозможно!

– Идёт? – настаивала дама.

– Идёт.

Петя лениво вытащил руку из кармана и пожал ладошку

своей подружки.

– Смотри, я тебя за язык не тянула.

Девушка пожала своему молодому человеку руку и довольно заулыбалась.

– Что ты радуешься? Говори.

– Твоя фамилия какая? – спросила девушка.

– Сапожников.

– А имя?

Молодой человек задумался, и потом удивлённо посмотрел на подружку.

– И за это ты хочешь половину машины и гаража? Но ведь это очень просто!

– Всё гениальное просто. А гениальное дорогого стоит.

Этот вечер наша парочка провела не просто хорошо, а отлично. Молодые люди предались мечтаниям. Они ездили на своей машине к морю, они обгоняли на трассе всех, кто встречался на их пути, они катали на своём авто своих друзей и с восхищением ловили их завистливые взгляды.

Вино, которое они присовокупили к своим мечтам, только добавило красок в картинках их воображений.

– Представляешь, когда мой тёзка увидит нас с тобой на своём Москвиче? Он когда меня на своём мотоцикле увидел, чуть с ума не сошёл.

– А вот этого не надо.

– Чего этого? – не понял Петя.

– Не надо, чтобы твой тёзка видел нас вместе.

– Ой, я совсем забыл!

Процедура написания сочинения за своего однофамильца прошла как по маслу. На отчество в паспорте абитуриента Петра Сапожникова, как и надеялись наши герои, никто не обратил внимания. Математика и физика были сданы на отлично, а сочинение не испортило общей картины. Пётр Сапожников из вчерашнего школьника превратился в студента.

Отец счастливого студента понимал, что за столь опасную операцию, как подмена экзаменуемого, следовало увеличить гонорар, поэтому долго не торговался. Старенький автомобиль и гараж быстро переоформили на нового хозяина.

Глава 6

Первое сентября всегда наводило на Петю гнетущее настроение. И происходило это не потому, что заканчивалось лето и начиналась осень, не потому, что ласковое солнце всё реже согревало своими лучами, и всё чаще ему на смену приходили дожди с холодными ветрами. Угнетало то, что первого сентября школьнику приходилось прикреплять к себе ненавистный ярлык, без которого в школу вход был запрещён.

Сегодня Сапожников шёл в институт, и сегодня на нём не было ярлыка. Вероятно, именно это обстоятельство раскрашивало в глазах молодого человека всё в розовый цвет: преподаватели казались добрыми и заботливыми, лекции, которые они читали, были интересные и увлекательные. А студенты? Разве их можно было сравнить со школьниками? Всего прошло три месяца, а перемены в людях произошли огромные. Если раньше они назывались подростками, то теперь это были молодые люди: юноши и девушки. Свобода, которая, как волна, накрыла студентов с головой, опьяняла. Можно было писать конспект, а можно было не писать. Можно было слушать лектора, а можно и не слушать. Но все, конечно, слушали, все, конечно, писали, потому что общение преподавателя и студента тоже было новым. Во-первых, здесь были не учителя, а преподаватели. Они не поучали ре-

бёнка, как в школе, а просто читали свои лекции. Во-вторых, и самых главных, они разговаривали со студентом «на вы». Это ставило студента и преподавателя на один уровень. Ко вчерашним детям относились теперь, как к взрослым людям.

Дискомфорт этому оазису счастья придавало то обстоятельство, что студенты не были знакомы. Всего несколько человек знали друг друга по курсам, но этого не было достаточно, чтобы разрозненная толпа могла называться одним словом – коллектив. И когда кто-то предложил устроить вечеринку, чтобы всем поближе познакомиться, возражений не было.

Однако студенты только формально считались взрослыми.

В действительности, у них не было ни денег, чтобы организовать вечеринку, ни квартиры, где можно было собраться. Так же, как и в школе, они целиком и полностью зависели от своих родителей.

К счастью, последние ещё не забыли, как сами выпрашивали деньги на подобные цели у своих родителей, теперь уже бабушек и дедушек. Поэтому деньги на запланированное мероприятие были собраны быстро. Что касается квартиры, то её искать не пришлось: сентябрь был тёплым, и никому не хотелось задышаться в малогабаритной квартире.

Тишина сентябрьской природы, навевала романтизм и истому. Начинающие желтеть листья придавали ландшафту

отблеск царственного статуса, начинающие краснеть клёны подчёркивали этот статус пурпурными вкраплениями. Студенты, не привыкшие бесконтрольно поглощать спиртное, очень скоро захмелели и скинули с себя опротивевший всем этикет. Сразу стало тепло и уютно, сразу окружающие люди стали близкими и добрыми. Пётр Сапожников сидел у костра, а на коленях у него лежали две головки прекрасных девушек.

– Какая прелесть! – вырвался возглас из одной головки.

– Да, Наташенька, – согласился Петя, – день действительно замечательный.

– Я Катенька, – поправила молодого человека девушка. – Наташенька у тебя на другой коленке.

Молодые люди звонко рассмеялись.

– Прошу прощения, я ещё не запомнил, – извинился молодой человек.

– Хорошо, что комаров нет, – сказала на этот раз Наташенька, – а то бы заели.

– Вот про комаров не надо, – попросил Пётр.

– Что так? – удивились девушки.

– Эти комары мне чуть всю жизнь не испортили. Если бы не родители, не видать бы мне института, как своих ушей.

– Не понимаю, как на институт могли повлиять комары? – раздался чей-то мужской голос.

– Мы в школе писали сочинение на тему: «как я провёл лето». Я разозлился на училку и написал про неё, будто она

была вожатой в пионерском лагере и её вечерами сжирали комары.

– И это всё? – спросил кто-то. – Для того, чтобы испортить всю жизнь, маловато будет.

– Нет, нет, если уж начал, то рассказывай до конца, – раздалась недовольные возгласы.

Однако Пётр явно не хотел касаться этой неприятной темы.

– Ну расскажи, – попросила Наташа.

– Действительно хватит ломаться, – поддержала её Катя.

Что ни говори, а две невесомые девичьи головы, лежащие на коленях, имели огромный вес, и Петру Сапожникову против своей воли пришлось начать свой рассказ.

Слушая рассказ, студенты затихли до такой степени, что было слышно, как рыба в речке, которая находилась метрах в ста от костра, выскакивала из воды и снова падала с еле слышимым шлепком.

– Врёшь! – изредка перебивал кто-то рассказ. – Так не может быть!

Но эти возгласы тут же тонули в недовольных выкриках студентов.

– Да тише ты! Вот когда будешь говорить, тогда сам и придумывай, что хочешь.

Возмутитель спокойствия тут же затихал, а Пётр продолжал свой рассказ.

После того, как рассказ был закончен, студенты ещё долго

сидели молча и не могли выйти из тех событий, которые им нарисовал Пётр.

– И за это тебя в классе прозвали «Чернокнижник»? – спросила Катя.

– Разве я говорил о Чернокнижнике? – удивился Пётр.

– Только что, – подтвердила Наташа.

– Наверное, за это, – не стал спорить Петя.

– Нет, так быть не может, – нарушил молчание кто-то.

– Ну и что, зато история очень интересная. Критиковать всегда легче, попробуй сам так придумать, – набросились на непрошенного критика Катя и Наташа одновременно.

– А давайте каждый расскажет какую-нибудь свою самую интересную историю, – предложил невысокий паренёк. – При этом совершенно не обязательно, чтобы история была правдой. Главное, чтобы она была интересной.

– А мы потом выберем самого интересного рассказчика, – предложила девушка, похожая на Дюймовочку.

От этого предложения студенты пришли в восторг.

– А кто будет следующий? – спросила Дюймовочка.

– Пусть Чернокнижник скажет, – предложил кто-то.

Все устремили свои взгляды на Петра.

– Правильно, – сказала Наташа, – если ты закончил свой рассказ, значит, должен передать свою эстафету следующему.

Чернокнижник улыбнулся и пальцем указал на свою соседку.

– Инициатива – наказуема, – засмеялся он. – Следующая – ты.

– Но я не умею рассказывать! – попыталась увильнуть Наташа.

– Нет, нет, нет! Никаких отговорок не принимаем! – закричали студенты.

– Но у меня действительно не было никаких интересных историй.

– Так не бывает, – не соглашались студенты.

– Если не было, значит, придумай их. Чернокнижник же придумал.

Наташа задумалась на немного, а потом улыбнулась.

– Я придумала. Я расскажу вам одну историю про фонарик, который висит под козырьком институтской двери.

Сначала сбивчиво, а потом всё плавне и плавне стал вырисовываться рассказ про обыкновенную лампочку, которую по халатности забывали выключать днём.

– Наташка, а я помню эту лампочку, – сказал кто-то, когда рассказчица закончила. – Это же ты тогда осталась одна, потому что у тебя зонтика не было.

– Да, это была я, – сказала Наташа.

– Так это было на самом деле? – спросила Дюймовочка.

Свои истории студенты рассказывали до самой темноты, и только когда языки пламени стали уменьшаться в размерах, а освещаемая костром поверхность, соответственно, стала

сужаться, компания подвела итог. Самым лучшим рассказчиком был признан Чернокнижник, а второе место досталось Наташе.

Вечеринка окончилась, хмель давно улетучился, и молодые люди, распределив между собой девушек, стали провожать их домой. Пете досталось провожать Наташу и Катю.

– Вот как ты можешь так складно всё сочинять? – восхищалась Катя.

– Не знаю. Это просто дано мне. К тому же, сегодня я ничего не сочинял, а рассказал, что было давно. Вот Наташа свою историю сочинила прямо у костра.

– Я тоже ничего не придумала. Эта история была в действительности.

– Так кто же тот парень? – спросила Катя.

– Не знаю.

– Ты больше не виделась с ним?

Девушка отрицательно помотала головой.

– Ну, до дома он тебя проводил?

– Я не хочу об этом говорить, – недовольно сказала Наташа.

– Что ты привязалась? – выручил её Пётр. – Не хочет говорить, пусть не говорит.

– Тогда ты расскажи, ведь, хоть ты всё придумал, и давно, но всё-таки придумал. Не мог же ты знать наперёд, как развернутся события?

То ли для того, чтобы вывести из-под удара назойливой

попутчицы Наташу, то ли потому, что вряд ли какой парень откажется похвастаться перед девушками, получив такую возможность, Пётр забыл об осторожности.

– Просто я могу предсказывать события, – таинственно сказал он.

– Не может быть! – хором ответили две девушки.

– А давайте проверим. Расскажи нам, что будет вот с этой телефонной будкой, – предложила Наташа.

– Нет, я так не могу.

– А, вот тебя и поймали! – воскликнула Катя. – Как хвастаться, так вы парни первые, а как отвечать за свои слова, так вы в кусты.

– Обожди, не цепляйся к словам, – остановила девушку Наташа. – Мы же его не дослушали. А как ты можешь? – спросила она Петра в свою очередь.

– Мне надо взять бумагу, ручку, и сесть за письменный стол.

– И тогда ты сможешь предсказать? – недоверчиво спросила Катя.

Пётр кивнул головой.

– Значит, ты знал, что поступишь в институт, раз можешь видеть будущее? Почему же ты волновался, когда смотрел списки? Я видела, – спросила Наташа.

– Что касается себя, то тут мой дар не работает. Это касается и моих родных.

– Я надеюсь, телефонная будка не является тебе роднёр? –

засмеялась Катя.

– Нет, на это можете даже не надеяться, – ответил молодой человек шуткой на шутку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.